Ф. В. Фарраръ.

СЕМЕЙНЫЙ ОЧАГЪ

МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА.

съ англійскаго

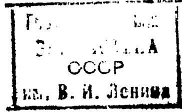
Ф. С. КОМАРСКАГО.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И. Л. ТУЗОВА.
1898.



2563





Дозволено цензурою С.-Петербургъ 3 мая 1897 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Эти строки были написаны по просьбѣ издателя моихъ сочиненій. Передъ молодыми людьми— длинное будущее, и всѣ добрые люди, которые начинаютъ входить «въ долину тѣни смертной», не могутъ не посмотрѣть съ глубокимъ интересомъ на тѣхъ, которымъ предстоитъ великая битва съ жизнью. Я далъ молодымъ людямъ въ самой простой и правильной формѣ совѣтъ, который, по моему мнѣнію, болѣе всего будетъ имъ пригоденъ. Этотъ совѣтъ построенъ на обширномъ жизненномъ опытѣ. Если давая его, я часто ссылался на слова другихъ, то это только потому, что желалъ пріобщить вѣскую очевид-

ность и свидѣтельство тѣмъ совѣтамъ, которые я предлагаю; и если часто приводилъ слова поэтовъ, то потому, что находилъ въ нихъ такую глубину, какую можно встрѣтить только у лучшихъ нравственныхъ учителей. Да благословитъ Господь эти скромныя страницы на благотворное чтеніе молодымъ людямъ.

Ф. В. Фарраръ.

I.

МУЖЧИНЫ.

ЮНОША ДОМА.

ЮНОША ДОМА.

Часто случается, что молодой человѣкъ, спустя нѣсколько лѣтъ, снова попадаетъ на время въ тотъ домъ, гдѣ протекло его дѣтство. Онъ мальчикомъ отправляется въ школу и проводитъ дома только праздники. Но когда проходитъ время его ученія, ему въ началѣ своей дѣятельности приходится опять поселиться у стараго очага, раздѣляя трудъ отца, или занимаясь чѣмъ-либо другимъ. Вотъ это возобновленіе прежней жизни въ семьѣ, но при измѣненныхъ обстоятельствахъ можетъ быть или крайне отрадно и для него самого и для всей семьи, или же невыносимымъ и несноснымъ, какъ для одной, такъ и для другой стороны. Оно будетъ отрадно, если, научась думать о другихъ

и владѣть собою, юноша принесетъ не только запасъ физической силы и здоровья, но и добродѣтели, которымъ онъ научился у родителей, наставниковъ и товарищей. Очень печально, если онъ не усвоилъ мысли, что ни одинъ человѣкъ не живетъ и не умираетъ по своей собственной волѣ; и что жизнь, полная эгоизма и снисхожденія къ себѣ, достойна только жизни звѣря, а не человѣка, «съ достоинствомъ Божія подобія и съ печатью искупленія на челѣ». Въ поведеніи юноши дома можетъ выразиться все прекрасное въ человѣческихъ отношеніяхъ—учтивость, вниманіе, любезность, настоящая мужественность, или, съ другой стороны, грустное проявленіе животныхъ инстинктовъ и отвратительной неблагодарности. Примѣры изъ жизни. быть можетъ, уяснятъ то, что я хочу сказать.

Но сперва мнѣ надо сказать нѣсколько словъ родителямъ. Имъ надо постоянно напоминать не раздражать и не мучить своихъ дѣтей. Быть можетъ это слишкомъ обыденный совѣтъ, но послѣдній удостоился мѣста на священныхъ страницахъ писаній Апостольскихъ. Фраза: «καὶ οἱ πατέρες μὴ ἐρεθίζετε τὰ τέκνα ὑμῶν» именно

обозначаетъ, «а вы, отцы, не вызывайте дѣтей вашихъ къ гнѣву, не возбуждайте ихъ къ дурному». Родители должны уважать дѣтей, какъ и дѣти родителей.

Святость человѣчества заключена въ каждомъ человѣческомъ существѣ и имѣетъ самостоятельное, индивидуальное развитіе. Наши дѣти не есть блѣдное или блестящее отраженіе насъ самихъ и не могутъ они имъ быть. У нихъ собственная воля и желанія; у нихъ новая, лишь имъ свойственная, сущность души; цѣлая вѣчность заключается въ нихъ; душа каждаго изъ нихъ есть островъ, окруженный моремъ, по которому трудно плавать. Мы должны распознавать ихъ особенности и не стараться сжимать развивающійся кристаллъ въ невозможную форму, которая только сломаетъ и испортитъ его. Послушаніе и любовь есть естественная дань дѣтей всѣмъ родителямъ, которые вѣрно исполнили свой долгъ, но характеръ и границы уваженія измѣняются съ годами. У родителей бываетъ стремленіе къ неестественному порабощенію выросшихъ дѣтей и неправильныя требованія къ нимъ.

Особенно относительно молодыхъ людей мы не должны забывать нашу кипучую жизнь. Мы должны быть снисходительны къ ихъ ошибкамъ и стремленіямъ, которыя такъ же свойственны юности, какъ и дѣтству. «Молодые люди», говоритъ лордъ Беконъ, «въ своихъ стремленіяхъ и направленіяхъ дѣйствій берутся за большее, чѣмъ могутъ исполнить; болѣе волнуютъ чѣмъ успокаиваютъ; стремятся впередъ, не принимая во вниманіе ни средствъ, ни постепенности; упорно держатся нѣсколькихъ случайныхъ мнѣній; сразу же употребляютъ крайнія мѣры, и что увеличиваетъ ихъ заблужденія, это—что они не желаютъ признать и исправить свои ошибки».

Мы должны стремиться имѣть на молодежь разумное вліяніе, а не раздражающій контроль; и не навязывая имъ нравоученій, мы должны привести ихъ къ сознанію справедливости предостереженія, сказаннаго въ книгѣ Екклезіаста: «Веселись, юноша, въ юности твоей и да вкушаетъ сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путямъ сердца твоего и по видѣнію очей твоихъ; только знай»,—и это напоминаніе произнесено скорѣе съ доброжелательствомъ,

чѣмъ съ несимпатичной угрозой,—только «знай, что за все это Богъ приведетъ тебя на судъ».

Вотъ примѣры нѣкоторыхъ юношей, живущихъ дома — правдивыхъ и неправдивыхъ, послушныхъ и непослушныхъ, счастливыхъ и несчастныхъ, мудрыхъ и неразумныхъ.

1. Я помню троихъ братьевъ въ одномъ семействѣ. Одинъ готовился быть докторомъ, второй—чиновникомъ, третій — священикомъ. Ихъ семейный очагъ былъ довольно хорошо обставленъ, но простъ. Безпрерывное теченіе занятій заставляло рѣже покидать свою комнату, чѣмъ это было желательно, и не оставляло времени на невинныя развлеченія въ обществѣ. Но каждый изъ этихъ трехъ юношей, когда окончилъ свое ученіе, отказался отъ удовольствій и веселой жизни и спокойно приноровился къ домашней рутинѣ. Они отъ души работали въ своихъ комнатахъ; были веселы, счастливы и довольны; честно старались приготовиться къ жизненной битвѣ и борьбѣ за существованіе; и не безпокоили своихъ родителей неразумными требованіями, расточительностью, дурными удовольствіями, или скрытностью и умалчиваніемъ сво-

ихъ цѣлей, стремленій и дружбы къ кому-нибудь,—однимъ словомъ, всѣмъ, что можетъ вызвать иногда озлобленіе и сомнѣніе даже, когда для этого нѣтъ достаточнаго основанія. Итакъ, они перешли въ самостоятельную жизнь и оставили за собой хорошія надежды и добрую память; они покинули свой домъ, чтобы сдѣлаться полезными членами Церкви и общественной дѣятельности, а потомъ, вѣроятно, участниками безсмертной славы Воскресенія.

2. Я помню еще въ семьѣ одного юношу—это великій и знаменитый человѣкъ, имя котораго я не могу упомянуть. Это былъ геніальный человѣкъ, сынъ родителей, которые были безъ всякой претензіи на талантъ человѣка, и который опередилъ своихъ родителей въ культурѣ и образованіи. Не одинъ юноша въ такихъ обстоятельствахъ впалъ бы въ искушеніе порисоваться и поважничать; снисходить къ своимъ родителямъ съ высоты величія; вздрагивать, когда они выражаются неграмотно; сожалѣть себя, какъ отпрыска мѣщанъ или крестьянъ, которыхъ онъ долженъ стыдиться. Но не таковъ былъ юноша, о которомъ я говорю. Пра-

виломъ его жизни было подражать величайшему изъ идеаловъ, Тому, «Кто пришелъ со Своими родителями въ Назаретъ и былъ въ повиновеніи у нихъ». Я сидѣлъ бывало за его столомъ и слушалъ, какъ онъ изливалъ потоки своего несравненнаго краснорѣчія и выказывалъ сокровища своего чуднаго сердца въ наставленіяхъ, полныхъ глубины и красоты;—и тогда его старушка мать — настоящій типъ англійской женщины среднихъ классовъ, съ узкими сужденіями и твердой вѣрой въ свою непогрѣшимость, — наставительно поднимала палецъ и при всѣхъ гостяхъ говорила.—«Вотъ что, Вильгельмъ (мы назовемъ его такъ, хотя это не его имя), послушай меня!» И въ то время, какъ онъ и мы всѣ почтительно слушали, она съ удивительнымъ спокойствіемъ излагала свои сужденія, говоря ему, какъ онъ сильно заблуждается, раздѣляя съ другими всѣ нарождавшіяся идеи. Она доказывала, что все написанное до сихъ поръ невѣрно, и переносила насъ снова во времена умственной тьмы.—«Да, матушка»,—отвѣчалъ онъ, когда ея увѣщаніе кончилось; и послѣ этого разговоръ безпрепятственно принималъ

прежнее направленіе, и милая старушка была болѣе, чѣмъ довольна.

Благодаря своему доброму генію онъ былъ хорошимъ сыномъ. Болѣе мелочной человѣкъ нахмурился или отнесся бы съ пренебреженіемъ. «Мужчины не геніальностью дѣлаютъ свой очагъ несчастнымъ»,—сказалъ Вордсвордъ, «а недостаткомъ геніальности: разсудокъ и чувство высшаго качества сдѣлали бы ихъ способными видѣть и чувствовать прелесть семейныхъ узъ».

3. А вотъ еще примѣръ. Юноша былъ въ училищѣ и имѣлъ нѣсколько младшихъ братьевъ въ Итонской школѣ, и готовящихся туда поступить. Онъ былъ джентльменомъ, и правило, дѣлавшее его жизнь честной и полезной, было сознаніе его обязанностей въ отношеніи къ семьѣ. Однажды братья сидѣли всѣ вмѣстѣ, когда одинъ изъ подростковъ сказалъ младшему брату очень грубое слово. Въ ту же минуту старшій вскочилъ и, не говоря ни слова, далъ сказавшему пощечину и вытолкалъ его изъ комнаты. Я вполнѣ увѣренъ, что мальчикъ не забылъ этого урока во всю жизнь. Онъ понялъ, что

уважать надо не только старшихъ, но и младшихъ братьевъ; и, если бы онъ когда-нибудь такъ опустился, что сталъ бы грубо говорить, то во всякомъ случаѣ не смѣлъ бы сдѣлать этого въ родительскомъ домѣ.

4. Въ данномъ примѣрѣ я скажу, какое громадное вліяніе можетъ имѣть молодой человѣкъ дома. Онъ можетъ быть крайне полезнымъ своимъ сестрамъ, давая имъ возможность сравнивать съ нимъ юношей, посѣщающихъ домъ, оцѣнивать сравнительно съ братомъ ихъ достоинства и недостатки, и выбрать такимъ образомъ достойнаго супруга. Но для братьевъ онъ можетъ быть просто неоцѣнимымъ. Онъ больше видѣлъ жизнь, чѣмъ они. Они естественно руководятся его взглядами на добро и зло. Я зналъ старшихъ братьевъ, которые были благословеніемъ для младшихъ, но зналъ и такихъ, которые являлись мучителями.

5. Мнѣ кажется, что старшій братъ «блуднаго сына» былъ именно изъ послѣднихъ, — не тѣмъ, что дурно вліялъ на него, но былъ отрицательно, неспособный на снисхожденіе и участіе, благодаря эгоизму. Занятый своими добродѣте-

лями, онъ презиралъ своего безпутнаго брата и равнодушно предоставилъ его судьбѣ, не желая безпокоить себя совѣтами и помощью ему. Если бы не онъ, если бы не его «святая непогрѣшимость», необщительность и бѣдность любви, блудный сынъ никогда не сталъ бы такимъ, и такъ какъ у старшаго не было ни къ кому любви, кромѣ какъ къ себѣ, — то неудивительно, что, когда пришелъ младшій: голодный, униженный, въ лохмотьяхъ, — братъ его не только не раздѣлилъ отцовской радости при видѣ возвратившагося, возрожденнаго грѣшника, но отвѣтилъ непростительной завистью, холодной насмѣшкой и полной безсердечностью. Такіе молодые люди, — чужды дому, гдѣ они живутъ. И какую роковую потерю они понесутъ въ жизни! Правду говоритъ м-ръ Маллокъ: «домъ человѣка, его семья, его трудъ и средства къ жизни — все это чаша, вмѣщающая причастное вино его жизни; и если мы допустимъ, чтобы чаша загрязнилась или повредилась — вино будетъ осквернено или пропадетъ. Но воля Божія не хочетъ, чтобы оно уничтожилось... Если мы отвѣтственны за оскорбленія нашего брата, то развѣ

отвѣтственность кончается, если мы оставляемъ жить брата въ такихъ обстоятельствахъ, гдѣ кромѣ оскорбленія нечего ожидать ему?..

6. Я знаю также одного старшаго брата, но совершенно въ другомъ родѣ, который былъ неоцѣнимымъ благословеніемъ всей семьи. Онъ, его младшіе братья и сестры остались сиротами, и всѣхъ ихъ надо было вывести въ люди. Безъ малѣйшаго ропота, съ полнымъ самоотверженіемъ, этотъ молодой человѣкъ пожертвовалъ всѣми личными интересами и надеждами и взялъ на себя отвѣтственность за семью. Онъ отказался отъ женитьбы и отъ возможности окружить себя удобствами и удовольствіями, которыя безъ его жертвы были бы ему доступны. Онъ смотрѣлъ на свои отношенія къ младшимъ сиротамъ, какъ на свою священную обязанность, и даже теперь старается снабдить ихъ средствами и оказать покровительство, которыхъ они были лишены, потерявъ родителей. Какъ безцѣненъ трудъ подобнаго юноши въ домѣ. Какъ велика награда его самоотверженія, когда его братья и сестры благословятъ его!.. Сущность величія,—сказалъ Эмерсонъ,—

это сознаніе, что добродѣтель есть все... Если домашнія обязанности честно выполнены... писалъ Конфуцій 25 вѣковъ тому назадъ... то не надо идти вдаль приносить жертвы.

7. Благодаря жизненнымъ опытамъ мы, увы, сталкиваемся не только съ хорошими, но и съ дурными примѣрами. Я помню юношей, которые своимъ необдуманнымъ и дурнымъ поведеніемъ дѣлали домъ невыносимымъ и себѣ, и своимъ близкимъ. Они желали имѣть отдѣльные ключи; желали выходить, когда имъ вздумается; даже, если они занимались вовсе не дурными дѣлами и съ недурными товарищами,—они не удостоивали родителей и семью сообщеніемъ своихъ намѣреній и вовсе не думали, что родителямъ это доставитъ безпокойство и возможность заподозрить дурное. Ихъ молчаніе было болѣе жестоко, чѣмъ горькія слова. И такое положеніе вещей кончилось отвращеніемъ и взаимными ссорами, ужасными сценами между сыновьями и отцами, пока имъ дѣлалось невозможнымъ жить подъ однимъ кровомъ. Блудныя дѣти шли своей дорогой, чтобы, быть можетъ, лишиться всего и кончить зарабаты-

ваніемъ скуднаго, тяжело доставшагося пропитанія, при худшихъ условіяхъ, чѣмъ обыкновенный земледѣлецъ. Я видѣлъ, какія жалкія женитьбы выпадали имъ на долю, видѣлъ какъ они расточали свое наслѣдство и разбивали высокія надежды, которыя на нихъ возлагали. Я видѣлъ, какъ они возвращались изъ своихъ странствій озлобленными и безъ гроша денегъ и много разъ проходили мимо родительской двери, боясь и стыдясь постучаться, не зная, какой привѣтъ ждетъ ихъ; опасаясь быть отвергнутыми вполнѣ заслуженно. И самые ужасные случаи были съ сыновьями вдовъ. Что́ можетъ сдѣлать бѣдная труженица мать, борющаяся за существованіе, съ сыновьями, которые, живя подъ ея кровомъ, дурно ведутъ себя? Она была бы прекрасною матерью при другихъ обстоятельствахъ, но что́ же ей дѣлать, когда она не можетъ ни обуздать, ни удержать своихъ дѣтей, даже нерушимой святыней власти матери, — когда они отрекаются отъ путеводителя ихъ юности и завѣта Божія— когда, въ сумерки, вечеромъ, въ темныя и свѣтлыя ночи, они лѣзутъ, какъ быки на бой-

ню, какъ безумцы на палочную расправу — на свою гибель, — пока не дождутся бѣды. Чтò можетъ сдѣлать такая безпомощная мать — съ разбитымъ сердцемъ, больная, напрасно старающаяся удержать дочерей отъ увлеченія дурнымъ примѣромъ брата? Чтó можетъ она сдѣлать, подавленная обстоятельствами жизни? Чтó можетъ она сдѣлать въ такую потрясающую минуту, какъ не воздѣть къ небу руки и глаза, затуманенные слезами, сложивъ все бремя своихъ заботъ къ подножію лѣстницы, ведущей къ престолу Божію чрезъ тьму земныхъ страданій... О, если среди читающихъ эти страницы найдется хоть одинъ юноша, которому обличающая совѣсть шепнетъ и шепотъ — этотъ отдастся въ его сердцѣ страшнѣе грома Синайскаго — «Ты таковъ же!» пусть онъ постыдится и исправится.

На Востокѣ есть изреченіе, гдѣ говорится, что неблагодарность и непочтеніе къ родителямъ такъ грѣшны въ глазахъ Господа, что «глазъ, который съ усмѣшкой глядѣлъ на родителя и не хотѣлъ повиноваться, будетъ выклеванъ ворономъ долины и съѣденъ орломъ».

8. Итакъ, для благородной жизни дома у юношей есть полная возможность. Мѣшаетъ же выполненію благихъ цѣлей закоренѣлая гордость нашей натуры, плевелъ тщеславія, любимый цвѣтокъ дьявола, такъ какъ онъ отлично знаетъ, что его ядовитыя сѣмена плодоносны и многообразны.

Чѣмъ дольше я живу, тѣмъ болѣе мнѣ кажется, что смиреніе есть самая характерная изъ всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей. Она есть корень любви, связывающій всѣ добрыя качества въ одинъ союзъ. Глаза юноши не ослѣпитъ прахъ земной, если молодой человѣкъ этотъ познаетъ, что жизнь есть трудъ, что не человѣкъ заправляетъ судьбою міра. «Свѣтъ нашъ подобенъ безконечно волнующемуся муравейнику, затерянному среди милліона милліоновъ солнцъ», сами по себѣ мы ничего не представляемъ, и наше значеніе зависитъ только отъ подчиненія Божьей волѣ и союза съ ближними. И когда юноша познаетъ, что значеніе жизни зависитъ отъ услугъ, оказанныхъ ближнимъ, какъ проявленіе любви и послушаніе Богу, тогда онъ вооруженъ на борьбу.

Предостереженіе, которое относится къ сотнямъ юношей, слѣдующее: «Вы слишкомъ много думаете о себѣ, сыновья Левія».

Вотъ прекрасный совѣтъ Генри Вардъ Бичера: «Я скажу каждому, вступающему въ жизнь: не начинай ее съ предвзятыми идеями о своемъ великомъ достоинствѣ. Не думай, что безъ борьбы ты будешь побѣдителемъ, и что тебѣ придется украсить сначала уже чело лаврами, которые если и достанутся тебѣ, то развѣ въ концѣ поприща. Не ошибись въ своей непокорной гордости и лживомъ тщеславіи. Не начинай жизнь. воображая, что такой прелестный юноша, какъ ты, такой щеголеватый, красивый прелестный во всѣхъ отношеніяхъ—достоинъ высокаго мѣста. Не льсти себя надеждой, что жизнь должна дать тебѣ больше, чѣмъ другимъ. Она должна тебѣ какъ и другимъ ровно столько, сколько ты сумѣешь добыть себѣ. Она должна тебѣ лишь дать возможность и случай сдѣлаться чѣмъ-нибудь. Она дастъ тебѣ только это, и ничего болѣе»...

Многіе юноши, какъ и многія молодыя дѣвушки, бьются какъ птицы въ клѣткѣ, въ домѣ,

который имъ кажется тюрьмой — и стремятся вдаль. Но если бы они взглянули вѣрнѣе—клѣтка ихъ показалась бы имъ цѣлымъ міромъ, гдѣ они могли бы употребить въ дѣло лучшія свои добродѣтели. Мы дадимъ имъ прекрасный совѣтъ, написанный Карлейлемъ одной дамѣ въ 1866 г... «Какъ бы ни были ничтожны ваши обязанности, займитесь ими, совѣтую вамъ, съ удвоенной, утроенной энергіей часъ за часомъ, день за днемъ, на зло пасти адовой! Какой отвѣтъ нашъ на всѣ внутреннія, душевныя искушенія?... Я могу сдѣлать это, діаволъ, и сдѣлаю именемъ Господа».

Если даже вы будете убирать ваше жилище, или разбирать одежду или бумаги, «что бы ни нашла рука ваша для дѣла, дѣлайте это со всѣмъ стараніемъ» и постоянствомъ. Тѣмъ болѣе, если ваши обязанности очевидно выше и важнѣе; если у васъ есть братья, сестры, отецъ, мать, взвѣсьте серьезно, какія обязанности лежатъ на васъ относительно каждаго изъ нихъ и помните, что вы должны честно отдать имъ все, на что они имѣютъ право.

ЮНОША У ДѢЛЪ.

ЮНОША У ДѢЛЪ.

Торговля Англіи распространилась съ безпримѣрной быстротой и увеличеніемъ объема въ нынѣшнемъ столѣтіи; это есть одно изъ самыхъ видныхъ доказательствъ процвѣтанія страны, это главный источникъ величія Англіи и ея вліянія во всемъ мірѣ. «Бѣлыя полоски кильватера на Атлантическомъ океанѣ, — говоритъ Эмерсонъ, — служатъ дорогой для мореплавателей». Бѣлыя паруса коммерческихъ англійскихъ кораблей мелькаютъ во всѣхъ моряхъ, и врядъ ли найдется хоть одинъ каменистый островокъ въ отдаленномъ Тихомъ океанѣ или безлюдномъ южномъ полярномъ морѣ, который бы не видалъ флага нашихъ пароходовъ. Мы обратили паръ въ гигантскаго всемогучаго раба.

Мы поймали молнію за ея огненныя крылья и велѣли ей послушно мчать наши самыя скромныя желанія вокругъ всего земного шара, чрезъ горные туннели и пропасти бурныхъ озеръ. Господь создалъ насъ на то, чтобы мы собирали богатство міра, несли его бремя и обратили все это на общее добро. Но какъ ни блестяще и ни обширно наше земное владычество, дѣлающее насъ господами шестой части всего міра,— владычество это не вѣчно. «Ассирія, Греція, Римъ, Кароагенъ — гдѣ они?

Слова лорда Биконсфильда не только краснорѣчивы, но и правдивы: хотя народъ англійскій болѣе великъ, чѣмъ Венеція или Тиръ, но если онъ не будетъ вѣренъ своей миссіи великой націи, слава его поблекнетъ, какъ сирійскія краски, и рухнетъ, какъ венеціанскіе дворцы.

Необходимымъ слѣдствіемъ нашего коммерческаго величія является то громадное число юношей, которые зарабатываютъ хлѣбъ «дѣломъ», непосредственно или косвенно связаннымъ съ торговлей. И вотъ эти-то юноши обусловливаютъ будущее Англіи своимъ отношеніемъ и характеромъ въ дѣлѣ.

Въ древней Греціи во время военнаго процвѣтанія государства высшими достоинствами считались: развитіе сильныхъ мускуловъ, совершенная тѣлесная красота и героическая, самоотверженная храбрость на полѣ битвы. Имъ пришлись бы по душѣ слова современнаго поэта: «Тщетны будутъ и безсильны самые грозные флоты броненосцевъ и всепобѣждающія ружья, если Англія сохранитъ неукротимыми вѣрныя сердца своихъ сыновъ».

Ничто не доказывало такъ ясно всей важности значенія, связи у грековъ съ ихъ молодежью, какъ ежегодная дорическая процессія, гдѣ всѣ мужчины шли тремя отдѣленіями: сначала мужи, пережившіе зенитъ жизни, затѣмъ юноши въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и наконецъ мальчики.

Первые пѣли:

«Въ прежніе дни мы жили стройными юношами».

Вторые пѣли:

«Мы могучіе юноши, пусть испытаетъ насъ, кто хочетъ».

А мальчики пѣли со смѣлой увѣренностью своего возраста:

«А мы будемъ еще лучше, чѣмъ эти старики и юноши».

Такимъ образомъ греки свидѣтельствовали, что для нихъ и значеніе и цѣна жизни сосредоточивались въ мимолетныхъ, какъ вспышка, годахъ юности, когда «молодость танцуетъ быстро и весело, какъ пузырь, и блеститъ, какъ сизая шейка голубя или какъ радуга, безвещественная, фантастическая по формѣ и цвѣту». И дѣйствительно, здоровье и сила никогда не перестанутъ быть крайне необходимыми для юношества каждой націи, которая «не теряетъ стремленія къ судьбѣ, двигающей міръ».

Если англичане когда-нибудь сдѣлаются ничтожной націей, то очень вѣроятно, что будутъ тогда слабыми и жалкими. Но этого нечего бояться въ высшихъ и среднихъ классахъ. Въ каждой школѣ Англіи мы можемъ видѣть «какъ играютъ маленькіе варвары», и должны согласиться съ Веллингтономъ, который, смотря на играющихъ учениковъ Итонской школы, воскликнулъ: «Вотъ гдѣ была одержана побѣда Ватерлоо»! Крикетъ, теннисъ, различныя игры въ мячъ, велосипеды, гребля, атлетическіе спорты и гимнастическія

состязанія принесли громадную пользу здоровью и силѣ всѣхъ юношей англійскаго народа и будутъ продолжать приносить эту пользу — если ихъ не коснется зловредная язва—битье объ закладъ, пари. Атлетическими упражненіями скорѣе будутъ злоупотреблять, чѣмъ забудутъ ихъ.

Конечно я каждому юношѣ посовѣтую облегчить свѣжесть разсудка здоровьемъ тѣла и помнить, что нельзя смять куртки, не смявъ подкладки.

Итакъ, рѣшимъ, что юноша начинаетъ свою карьеру сильнымъ и здоровымъ, и мы посовѣтуемъ ему, даже съ нравственной точки зрѣнія, заботиться о своей силѣ и здоровьѣ, какъ о средствѣ, облегчающемъ ему сдѣлать свою жизнь полезной и счастливой.

Но важны еще и другія условія. Юноша, мѣтящій на высокое мѣсто въ дѣлѣ, долженъ отличаться нравственными достоинствами.

1. Напримѣръ, почти излишне говорить о томъ, какъ необходимы непоколебимая честность и безкорыстіе. Конечно, бываетъ возможно вдругъ разбогатѣть обманомъ и мошенничествомъ, и считается возможнымъ разбогатѣть

безстыднымъ чванствомъ, которое сдѣлалось ходячею монетою въ наше время. Но такія средства къ обогащенію очень непостоянны, и никакая торговля не продержалась бы ими и десяти лѣтъ. Основаніемъ англійской торговли, по крайней мѣрѣ, еще недавно, служили честность и солидарность.

Всѣ потребители англійскихъ товаровъ по всему міру могли положиться на доброкачественность англійскихъ произведеній. Они были тѣмъ, за что̀ ихъ выдавали. Въ нихъ не было подлога и обмана. Я не знаю, такъ же ли была честность повсемѣстна какъ прежде; но, конечно, обязанность каждаго юноши поддерживать такую честность. Джорджъ Элліотъ, въ своемъ романѣ «Middlemarch» рисуетъ съ натуры, описывая бѣдственное разореніе м-ра Винси, когда онъ началъ употреблять дешевыя краски, рекомендованныя ему его обманщикомъ зятемъ. Эти краски проѣдали знаменитыя шелковыя матеріи м-ра Винси.

Тотъ, кто изучалъ англійскую торговлю и претендуетъ знать ея секреты, не замедлитъ объявить, что въ ней сильно практикуется под-

дѣлка, и даже самъ Гербертъ Спенсеръ въ своемъ знаменитомъ трактатѣ объ англійской торговлѣ показываетъ на господство такихъ методъ и дѣйствій, которыя, если они существуютъ дѣйствительно, нельзя назвать иначе, какъ обманомъ или мошенничествомъ. И, навѣрно, съ какимъ-нибудь юношей случится несчастіе попасть въ дѣло, которое ведется безчестно; ему придется попадать въ такое положеніе, въ которомъ онъ долженъ говорить полуправду, равную лжи; его посвятятъ въ закулисные секреты, невѣдомые публикѣ,—секреты, способные своей нечестностью возмутить его совѣсть.

Я нерѣдко получалъ отъ молодыхъ людей письма, гдѣ они жаловались, что поставлены обстоятельствами въ необходимость мучиться угрызеніями совѣсти. Другіе писали, что, не будучи въ состояніи продать свою душу за блага земныя, они рѣшились бросить свои занятія и находиться въ ужасномъ положеніи безъ «мѣста», чѣмъ идти на сдѣлки съ совѣстью и поступить нечестно. Можетъ показаться жестокимъ совѣтовать юношѣ въ такихъ обстоятельствахъ бороться до конца и, чего бы то

ни стоило, посрамить діавола. Тотъ, кому не приходилось самому принести подобной жертвы, готовъ содрогнуться и отшатнуться отъ легкой обязанности сказать другому, что онъ долженъ это сдѣлать. Но если Богъ есть Богъ и если высшее блаженство — дѣланіе добра есть законъ, то колебаніе въ такомъ случаѣ неумѣстно. Бросить мѣсто изъ-за строгой совѣсти можетъ, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, показаться ужасной жертвой: «но какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ?»

2. Затѣмъ я нахожу нужнымъ для юноши точность въ дѣлѣ и безкорыстную ему преданность.

Одинъ очень богатый человѣкъ, добившійся чиновъ, говорилъ мнѣ: «Многіе юноши ищутъ моего покровительства выдти въ люди потому, что мнѣ повезло въ жизни; но всѣ они, болѣе или менѣе, хотятъ «начать» такъ, какъ я «кончаю». Вотъ моя исторія. Я былъ сыномъ бѣдныхъ родителей; единственное мое образованіе было получено въ безплатной школѣ для бѣдныхъ, откуда я вышелъ 14 лѣтъ; меня при-

строили къ дѣлу. Я дѣлалъ свое дѣло такъ хорошо, какъ только могъ, но такъ какъ я рѣшилъ пробить себѣ дорогу, то и обратился къ знакомому моего дѣла, прося у него позволенія, въ свободные отъ занятій часы, даромъ работать подъ его руководствомъ, лишь бы понять основательно главныя начала того дѣла, гдѣ я былъ новичкомъ. Онъ позволилъ мнѣ заниматься у него по вечерамъ даромъ. Я много трудился. Къ концу года я получилъ, что мнѣ было нужно, но я также сдѣлался необходимъ, и этотъ знатокъ богачъ настоялъ на томъ, чтобы я поступилъ къ нему на службу на хорошее, постепеннно увеличивающееся жалованье. Это было началомъ моей удачи». «Да,—сказалъ онъ,—вотъ вамъ чекъ въ триста фунтовъ для вашей церкви. Не благодарите меня! Въ концѣ года я и не замѣчу, что истратилъ столько. Мнѣ это все равно».

Его замѣчаніе только подтвердило пословицу, что толпа всегда — только внизу, а «наверху мѣста много».

3. Конечно, поведеніе юноши было таковымъ въ видахъ собственнаго интереса; но изъ

десяти случаевъ девять бываютъ такими, что, стараясь о себѣ, служащій приноситъ пользу и дѣлу.

Въ обширномъ мірѣ дѣловой корреспонденціи англійская молодежь часто жалуется на то, что нѣмцы перебиваютъ у нея мѣста. Но почему это такъ?—Потому что лучшія мѣста отдаются людямъ, лучше подготовленнымъ.

Одинъ богатый, высокопоставленный членъ парламента говорилъ мнѣ, что еслибы ему понадобился человѣкъ, достаточно знающій иностранные языки, чтобы вести обширную дѣловую корреспонденцію,—непремѣнно пригласилъ бы нѣмецкихъ юношей. Они пріѣзжаютъ въ Англію и работаютъ даромъ, чтобы выучиться англійскому языку; они довольствуются скромнымъ жалованьемъ и часто знаютъ четыре языка, тогда какъ англичане знаютъ только свой родной языкъ. Понятно, онъ приглашалъ тѣхъ, которые могли оказать ему больше услугъ.

4. Онъ также упоминалъ о разницѣ между англичанами и нѣмцами въ дѣлѣ. Какъ только бывало пробьетъ 6 часовъ и рабочій день оконченъ, англичане моментально вскакивали, захлопывали

книги и спѣшно совали ихъ въ пюпитръ, затѣмъ они мгновенно исчезали, стремясь къ гимнастическимъ играмъ и велосипедамъ. Нѣмцы же, въ интересахъ дѣла, сперва спокойно кончали то, чѣмъ были заняты, а потомъ уходили. И, хотя, конечно, симпатичнѣе гораздо англичане, но повышали естественно нѣмцевъ, которые и получали больше денегъ.

5. Возвышеніе этого господина изъ самыхъ бѣдныхъ и смиренныхъ въ члены графства и главу большого торговаго дѣла произошло, благодаря его энергической быстротѣ дѣйствій. Однажды большой грузъ корабля былъ довѣренъ заграничной компаніи, оказавшейся ненадежной. Было еще время спасти товаръ, еслибы кто-нибудь немедленно же рѣшился сдѣлать путешествіе въ 600 миль. Довѣренныя лица фирмы созвали нѣкоторыхъ конторщиковъ и спросили, не возьмется ли кто изъ нихъ за это трудное дѣло, и когда онъ можетъ ѣхать. Нѣкоторые обѣщались попробовать и собирались ѣхать на другой день. Но нашъ юноша сказалъ: «я готовъ и ѣду сейчасъ же». Фирма единодушно поручила дѣло ему. Онъ выѣхалъ въ тотъ же

вечеръ, ѣхалъ день и ночь, не спалъ, не менялъ одежды, пріѣхалъ во-время, не допустилъ распаковать грузъ и спасъ фирмѣ цѣлыя тысячи. Услуга его была такъ велика, что, по возвращеніи, его сдѣлали младшимъ компаньономъ.

Раньше, чѣмъ онъ достигъ пожилого возраста, онъ уже былъ главою дѣла, а теперь онъ представляетъ собою видное и важное лицо.

6. Но если юноша занятъ не только выгодами и карьерой, если онъ помнитъ, что въ жизни есть высшія и болѣе вѣчныя обязанности,—то ему надо обладать храбростью и независимостью въ своей честности. Какое бы ни было его дѣло, онъ непремѣнно попадетъ въ общество юношей своихъ лѣтъ; и одна изъ первыхъ его обязанностей будетъ: не только не давать дурного примѣра, но высоко держать знамя своихъ убѣжденій. И многіе юноши поступаютъ дурно изъ страха передъ людьми, боясь сказать «нѣтъ».

Когда Веніаминъ Франклинъ въ молодости служилъ въ типографіи, всѣ его товарищи за завтракомъ пили портеръ или пиво. Франклинъ

не пилъ вина изъ убѣжденія, и товарищи вдоволь насмѣхались надъ нимъ, называя его молокососомъ и глупцомъ. Но Франклинъ стоялъ на своемъ съ несокрушимымъ добродушіемъ. И всѣ эти товарищи умерли неизвѣстные, а Франклинъ возвысился до славы и безсмертія своего имени. Въ мужественной стойкости его отроческаго характера была видна одна изъ тайнъ его будущаго превосходства.

7. Трезвость нужна повсюду, гдѣ только есть люди, въ арміи и у гражданъ. Солдаты Кромвеля шли въ битву съ Библіей въ ранцѣ и были осмѣяны, какъ лицемѣрные «святые»,— странно, что слово, обозначающее высшую добродѣтель—употреблялось, какъ злая насмѣшка,— но «святые» побѣдили враговъ.

Нельсонъ довѣрялъ больше всего въ своемъ экипажѣ матросамъ—«Методистамъ». «Святые» Хавелока спасли Индію. Однажды въ Бурмѣ всѣ солдаты перепились, непріятель грозилъ внезапнымъ нападеніемъ; генералъ былъ въ отчаяніи. Но одинъ изъ офицеровъ сказалъ: «Пошлите за «святыми» Хавелока, онъ всегда готовъ, и его люди никогда не пьютъ». Но, безъ

сомнѣнія, приверженность такимъ принципамъ дается не легко.

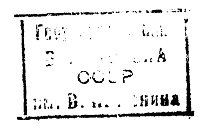
Одинъ юноша изъ моихъ прихожанъ поступилъ въ солдаты. Онъ былъ всегда трезвый, прекрасный человѣкъ. Скоро его повысили до сержанта. Солдаты, которые смѣялись надъ его воздержаніемъ, рѣшили сыграть надъ нимъ шутку. Онъ служилъ въ кавалеріи, и его полкъ долженъ былъ совершить военную прогулку, взявъ съ собою провизію. Солдаты взяли его флягу, которую онъ наполнялъ водою, и налили въ нее водки. Онъ ничего не зналъ объ этомъ. На привалѣ всѣ наблюдали за нимъ. Взявъ флягу, онъ увидѣлъ, что она полна водкой, и на глазахъ всѣхъ, вылилъ все изъ фляги на траву.

Одинъ молодой офицеръ попалъ на службу въ Индію во время усмиренія мятежа индѣйцевъ. Ему пришлось имѣть дѣло съ безбожными товарищами, страсти которыхъ разгорѣлись отъ войны. Юноша находилъ, что англичане поступали безжалостно и несправедливо,— онъ высказалъ это, и его стали жестоко преслѣдовать. «Чтó мнѣ дѣлать?»—измученный отъ

клеветы, спрашивалъ онъ генерала Утрама. «Вы кого боитесь: Бога или людей?» спросилъ генералъ. «Если вы боитесь Бога, то продолжайте поступать, какъ теперь, и переносите всѣ оскорбленія. Если же вы боитесь мнѣнія людей и непріятностей, то предоставьте имъ вѣшать всѣхъ возставшихъ».

А генералъ Гордонъ,—развѣ его почти волшебное обаяніе происходило не отъ собственнаго сознанія, что онъ былъ и будетъ всегда преданъ своимъ убѣжденіямъ стойко и честно! Когда онъ былъ въ Суданѣ, то никогда не стѣснялся вывѣшивать надъ своей палаткой бѣлый платокъ, что̀ означало, что онъ молится и его нельзя безпокоить. Юноша, обладающій такой же нравственной храбростью, можетъ быть увѣренъ, что онъ далеко пойдетъ, каковъ бы ни былъ его удѣлъ на землѣ.

8. Положеніе юноши на службѣ похоже на отношеніе въ школѣ или университетѣ. Добрый примѣръ безцѣненъ, гдѣ бы онъ ни былъ показанъ. Когда Паттесонъ былъ ученикомъ Итонской школы, онъ грозилъ отказаться отъ предводительства въ крикетѣ, если на еже-



годномъ обѣдѣ будутъ пѣть дурныя пѣсни. Когда одинъ великій государственный человѣкъ былъ въ Итонѣ, онъ рѣшительно опрокидывалъ свой бокалъ, если при немъ предлагались неприличные тосты. М-ръ Дависъ пишетъ, что Артуръ Кумнокъ своимъ вліяніемъ передѣлалъ въ четыре года общество, — гдѣ считалось достоинствомъ пить, играть и интриговать — въ общество воздержанія, вѣжливости и скромности.

9. Чѣмъ будетъ юноша въ дѣлѣ и жизни зависитъ отъ того, каковъ онъ въ душѣ. Человѣкъ не можетъ быть благородной и честной жизни безъ вѣчныхъ добродѣтелей: воздержанія, честности и цѣломудрія. Если юноша не имѣетъ силы сказать «нѣтъ», когда его приглашаютъ присоединиться къ игрокамъ или зовутъ держать пари,—онъ скоро погибнетъ.

Въ Англіи есть одна тюрьма, которая наполнена мошенниками, начавшими свою жалкую карьеру тѣмъ, что всѣ они играли и держали пари, сперва честно и интересуясь имъ только, какъ развлеченіемъ. Десять изъ тысячи всѣхъ классовъ были доведены до полнаго разоренія этой заразной эпидеміей ложныхъ, дурныхъ страстей.

Кто хочетъ быть настоящимъ человѣкомъ, долженъ пойти прямой дорогой еще въ юности. Онъ долженъ быть постоянно на-сторожѣ, опасаясь соблазнительныхъ удовольствій. «Я сидѣла на берегу и смотрѣла, какъ постепенно приближалось море», говоритъ лэди Вортлей Монтогю, «я видѣла танцующія волны и бѣлую пѣну гребней и преклонялась передъ Тѣмъ, Кто положилъ морю предѣлъ и далъ ему движеніе; и я медлила до тѣхъ поръ, пока мягкія волны не обратились въ валы и чуть не смыли меня съ моего мѣста. Такъ я видѣла неосторожнаго юношу, который заглядѣлся на плавное движеніе и медленное приближеніе завлекающаго удовольствія, пока оно не очаровало его глазъ, не запутало его ногъ и, охвативъ его душу, не увлекло его въ погибель». Если у юноши нѣтъ достаточно твердости и характера для борьбы съ соблазнами дьявола,—онъ долженъ отложить надежду быть хорошимъ работникомъ и человѣкомъ. И такому человѣку нечего будетъ возвратить Господу, кромѣ праха оскверненнаго тѣла и погибшей души.

О, если бы каждый юноша, служащій или

свободный отъ дѣлъ помнилъ, что для пьяницы, лгуна, нечестивца и обманщика нѣтъ на землѣ надежды, если они,—эта зараза добрыхъ,—искренно не раскаются и не исправятся. Что полезно тѣлу, то полезно и душѣ. И что для тѣла такъ называемые законы природы, то для души законы Бога «Послушаніе законамъ природы сохраняетъ цвѣтъ и жизнь тѣла; послушаніе законамъ Бога сохраняетъ цвѣтъ души». «Во всѣхъ этихъ вещахъ — жизнь Духа». «Какъ за дурною жизнью слѣдуетъ ранняя, скорая смерть, такъ духовная смерть является послѣдствіемъ грѣха. Грѣхъ приноситъ съ собою смерть, не какъ приговоръ, а какъ неизбѣжное слѣдствіе».

ЮНОША ВЪ ЦЕРКВИ.

ЮНОША ВЪ ЦЕРКВИ.

Третья глава, которую пожелалъ отъ меня издатель — «Юноша въ Церкви», кажется мнѣ неопредѣленной. «Юноша дома» и «Юноша въ дѣлѣ»—равняются «Юношѣ въ церкви». Девяносто девять изъ ста юношей были крещены въ христіанской церкви; и даже въ рѣдкихъ случаяхъ пренебреженія къ таинству, всѣ они въ широкомъ значеніи слова—члены Христовой Церкви; они уже рожденіемъ своимъ дѣти Божіи и наслѣдники царства небеснаго. Много происходитъ зла отъ различныхъ толкованій слова «Церковь». Слово «Церковь» надо понимать не какъ нѣчто устроенное духовенствомъ, священниками или монахами, а какъ всемірную паству Хри-

стову, гдѣ различныя вѣтви ученія христіанскаго представляются лишь частями общаго.

Господь только два раза упомянулъ слово «Церковь», — какъ это сказано у четырехъ Евангелистовъ. Это слово только у Матѳея повторяется дважды (XVI ст. 18 и XVIII ст. 17), и въ одномъ случаѣ оно употреблено въ тѣсномъ значеніи мѣстнаго собранія вѣрующихъ. У Матѳея XVIII, 17, «если онъ не послушаетъ, то скажи Церкви», и примѣчаніе вѣрно поясняетъ «конгрегація», т.-е. мѣстная синагога. Только въ словахъ св. ап. Петра: «и на семъ камнѣ Я создамъ Церковь Мою» [1]), Спаситель употребилъ слово «Церковь» въ современномъ значеніи слова. Его обыкновенному выраженію «всѣ вѣрующіе» — которымъ, побѣдивъ смерть, Онъ открылъ царствіе небесное—соотвѣтствуетъ не «Церковь», а «царствіе Божіе», «царствіе небесное». Подъ словомъ «Церковь» я не могу разумѣть ту или другую христіанскую Церковь и менѣе всего Церковь римскую. Цѣлыя столѣтія держалась она обманомъ, подлогомъ, честолюбіемъ

---

[1]) Матѳ. XVI, 18.

и надменными анаѳемами и чрезмѣрными незаконными захватами, присвоила право смотрѣть на свою испорченность, какъ на непогрѣшимость и повелѣвать наслѣдіемъ Божіимъ или угрозами отлученія или дурно вліяя на людей. Я понимаю только одну Церковь всѣхъ отвѣчающихъ на имя христіанина ихъ и нашихъ, христіанъ, разсѣянныхъ по всему міру. «Тайна тѣла Христова есть благословенное соединеніе всѣхъ вѣрующихъ. Я не пишу для нечестныхъ, неправыхъ, безбожныхъ, лжецовъ и клятвопреступниковъ; я не обращаюсь къ тѣмъ, кто, отбросивъ стѣснявшія ихъ религіозныя и нравственныя убѣжденія — нечестивы, какъ Исавъ, продавшій за кусокъ пищи свое первородство; я не говорю съ тѣми, кто добровольно погрузился въ жалкія и ничтожныя волненія игроковъ и бьющихся объ закладъ, кто весь ушелъ въ смертоносное, животное наслажденіе пьянства, или кто добровольно отравляетъ источники своего бытія, оскверняетъ свое тѣло и дурно говоритъ о достойномъ и прекрасномъ. Я обращаюсь ко всѣмъ юношамъ, у которыхъ есть въ душѣ хоть слабый при-

знакъ стремленія къ идеалу; ко всѣмъ тѣмъ, кто хоть и грѣшитъ, по слабости человѣческой природы, — но стремится къ добру и все же продолжаетъ быть овцой Христова стада, ученикомъ Его школы, воиномъ Его рати, честнымъ виноградаремъ Его вертограда, вѣрнымъ слугою Его дома.

Пусть читатель не думаетъ, что обязанности «Юноши въ Церкви» теряются въ массѣ дѣловыхъ занятій. Подобно расходящимся кругамъ отъ всплеска брошеннаго камня, наши обязанности окружаютъ насъ, все расширяя нашу дѣятельность. Наши обязанности начинаются съ насъ лично: это все, что мы должны нашему смертному тѣлу и нашей безсмертной душѣ; сперва слѣдуетъ кругъ нашей семьи и всей родни, затѣмъ, все расширяясь, нашъ домъ захватываетъ сосѣдей, приходъ, городъ, губернію, страну, народъ и наконецъ весь родъ человѣческій. Каждый молотъ, кующій на наковальнѣ дома какое-нибудь дѣло, творитъ нѣчто вѣчное. Маленькія обязанности становятся большими, потому что онѣ обязательны.

Одна арабская легенда говоритъ, что архан-

гелъ Гавріилъ былъ посланъ милосерднымъ Аллахомъ предостеречь Соломона Великолѣпнаго, чтобы онъ не впалъ въ грѣхъ, и спасти измученнаго, удрученнаго ношей муравья отъ надвигавшагося ливня; «и оба дѣла были равно важны архангелу», говоритъ легенда, «такъ какъ Господь послалъ его для обоихъ». Пусть юноша не думаетъ, что услуги его такъ незначительны, что не стоитъ ими и заниматься.

«Сдѣлайте сперва маленькія дѣла хорошо», говоритъ персидская поговорка, «тогда большія дѣла придутъ просить васъ заняться ими». Эту же мысль выражаетъ Жоржъ Гербертъ: «Думая, что всякое дѣло отъ Господа — мы найдемъ священной и грязную работу служанки; и кто мететъ комнату, исполняя Тобою данное дѣло, облагородитъ этотъ трудъ». То же говоритъ и Робертъ Браунингъ: «Всѣ дѣла равны въ глазахъ Божіихъ, и всѣ мы, хорошіе и дурные, Его куклы и маріонетки—всѣ отъ перваго до послѣдняго». Самъ Господь сказалъ, что даже чаша холодной воды, данная во имя Его,

получитъ свою награду [1]); и первый изъ насъ долженъ быть послѣднимъ, слугою для всѣхъ [2]).

Я прямо скажу, не обинуясь, что объ отношеніи юноши къ церкви можно судить потому, какъ онъ проводитъ воскресенье. Если онъ хочетъ принести себѣ пользу въ настоящемъ и въ вѣчности самымъ простымъ и драгоцѣннымъ образомъ, — онъ долженъ чтить воскресенье, какъ священный, пріятный Богу день; долженъ считать воскресное богослуженіе источникомъ, гдѣ можно омыть мірскую грязь. Юноша очень много принесетъ пользы своей душѣ, если онъ сдѣлаетъ своей обязанностью и правиломъ отличать воскресенье отъ другихъ дней и, какъ истинный христіанинъ, открыто будетъ стоять за посѣщеніе воскреснаго богослуженія; онъ долженъ твердо помнить все, чему учился, готовясь къ причастію, и не долженъ поворачиваться спиной къ трапезѣ Божіей. И эти поступки вѣрующаго скоро изъ самоотреченія обратятся въ источники радости, и, соединенные съ утрен-

---

1) Матѳ. X, 42.

2) Матѳ. XX, 26, Мар. X, 43.

ними и вечерними молитвами у «алтаря собственнаго изголовья», возвысятъ и очистятъ душу. Такой образъ дѣйствій направитъ стопы его по путямъ мудрости, у которой всѣ дороги пріятны и всѣ тропинки мирны. Но если, какъ это часто бываетъ, онъ дастъ голосу христіанскаго долга обратиться сперва въ чуть слышный шепотъ, а потомъ замолкнуть въ негодованіи; если онъ, поблажая себѣ, допуститъ лѣность, пустится на хитрости и скажетъ, что, много работая всю недѣлю, онъ имѣетъ право пользоваться «для себя» воскресеніемъ—онъ сдѣлаетъ первый шагъ къ погибели. Если онъ найдетъ, что проповѣдь утомительна для тѣла, а служба нагоняетъ скуку, то, отказываясь такимъ образомъ отъ участія въ единеніи съ Богомъ, онъ повредитъ своей душѣ.

Юноша, пренебрегающій благодатью Божіей, будетъ лишенъ ея. Я часто это видѣлъ. Я читалъ объ одномъ юношѣ, который говорилъ, что «предпочитаетъ слушать проповѣдь камней, чѣмъ глядѣть, какъ палки проповѣдуютъ»; онъ ложился въ воскресенье подъ дерево и читалъ «Донъ Жуана». Юноша, бросившій исполненіе потребностей религіи, обыкновенно, дѣ-

лается неустойчивымъ и въ требованіяхъ нравственности. Если юноша, тщетно стараясь заглушить совѣсть, съ жалкими отговорками, начинаетъ искать себѣ собственныхъ удовольствій по воскресеньямъ, — это вѣрная примѣта, что онъ рискуетъ скоро попасть въ когти діавола и его радостей. Если безбожные товарищи скажутъ ему: «Ты все мечтаешь о небесныхъ предметахъ, но мнѣ по сердцу другъ, который менѣе серьезенъ въ молитвахъ и меньше думаетъ о своей душѣ», — онъ долженъ отвѣтить: «Ты хорошо говоришь, представитель грѣха и стыда, я по твоему блеянію узнаю тебя,—ты невѣжество».

Я не строгій жестокій формалистъ и неприступный пуританинъ въ дѣлѣ касательно воскресенья. Я бы хотѣлъ, чтобы это былъ не только священный, но естественно отрадный день. Я только говорю: покажите мнѣ двухъ юношей, изъ которыхъ одинъ всегда бываетъ по воскресеньямъ въ церкви и старается, дѣйствительно, молиться и славословить Господа, тогда какъ другой цѣлый день читаетъ газеты, или проѣзжаетъ громадныя разстоянія на велосипедѣ, освѣжаясь дорогой въ трактирахъ и,

не прерывая ни однимъ серьезнымъ словомъ теченіе пошлаго, пустого, подчасъ нечестиваго, разговора, — покажите мнѣ ихъ, тогда я буду знать, который изъ нихъ ближе къ спасенію, и который ляжетъ спать болѣе счастливый въ мирѣ съ Богомъ и съ своей совѣстію.

2. Я нахожу, что каждый юноша, почитающій, со страхомъ и вѣрою Бога и съ любовью Іисуса Христа, долженъ выбрать себѣ одну какую-нибудь церковь и принять участіе въ ея благотворительности; лучше, если это будетъ церковь его прихода; но если въ этой церкви почему-нибудь проповѣдникъ ему не по душѣ, если проповѣдникъ похожъ на пастыря, ничего не дающаго овцѣ, то пусть юноша ищетъ другую церковь, только не надо ихъ мѣнять очень много, и нехорошо слишкомъ строго судить проповѣдника. Вѣрно сказано, что «худшій изъ нихъ скажетъ все-таки что-нибудь хорошее, а если ужъ ничего не найдется разумнаго, то этимъ самымъ Господь велитъ быть терпѣливымъ и дослушать проповѣдь».

3. Затѣмъ каждый юноша долженъ считать себя обязаннымъ принимать хоть самое малень-

кое участіе въ дѣятельности церкви. Онъ можетъ пѣть въ хорѣ или быть помощникомъ церковнаго старосты и собирать въ церкви деньги; или заниматься въ воскресной школѣ, или ходить наблюдать за играми мальчиковъ; или заняться сберегательной кассой для бѣдныхъ; или быть секретаремъ какого-нибудь учрежденія; или учить школьниковъ плавать; или быть офицеромъ въ бригадѣ мальчиковъ; или помогать устраивать занимательные народные вечера; или помочь устроить школу; или посѣщать бѣдныхъ, или двадцать еще подобныхъ занятій, которыя дадутъ ему возможность принять въ благодѣтельной дѣятельности другихъ, и укрѣплять въ немъ сознаніе, что услуги бѣдному, слабому, молодому и невѣжественному слишкомъ священны для насъ, и ихъ исполнителями нельзя сдѣлать только духовныхъ. Нельзя дать довѣренность дѣлать наши обязанности относительно ближняго третьему лицу. Это общее дѣло Христовой Церкви; и юноши, какъ члены этой Церкви, имѣютъ свою долю отвѣтственности. И я долженъ высказать юношамъ два условія: во-первыхъ, что они

скоро найдутъ въ каждомъ дѣлѣ самоотверженія не тяжелое бремя, а личную пользу и счастливыя минуты; во-вторыхъ, что на всякое дѣло, совершонное для ближняго, надо смотрѣть не какъ на ничтожный пустякъ, занимающій только время, а какъ на вещь, дающую жизни юноши достоинство и значеніе.

4. Какъ и въ предыдущихъ случаяхъ просмотримъ нѣсколько контрастовъ.

I. Вотъ, напримѣръ, судьба одного изъ милліона «блудныхъ сыновей», которые кончаютъ паденіемъ и — если во-время не раскаются — то катастрофой. Удивительно странная черта въ исторіи зла есть то равнодушіе, съ которымъ юноши относятся къ печальнымъ послѣдствіямъ дурныхъ поступковъ себѣ подобныхъ. Это напоминаетъ урокъ «незаписанныхъ изреченій», приписываемыхъ магометанами Христу: «Іисусъ сказалъ однажды, міръ подобенъ обманчивой дурной женщинѣ, которая, на вопросъ, сколько у нея было мужей, отвѣчала: такъ много, что, она не могла сосчитать ихъ. Я убивала ихъ и этимъ сбывала съ рукъ. Странно, сказалъ Іисусъ, что остальные были такъ неразумны, что,

несмотря на жестокое обращеніе съ предыдущими, не были тѣмъ предостережены, а горѣли любовью къ убійцѣ».

Юноша, о которомъ я говорю, имя его извѣстно, и онъ уже умеръ, но я не назову его, такъ какъ говорю о немъ не для его осужденія, а для предостереженія другихъ, этотъ юноша былъ очень талантливъ и отъ него ждали многаго. Онъ былъ единственнымъ сыномъ священника; даровитѣе другихъ юношей, красивый и съ тонкимъ умомъ. Въ молодости онъ, все равно гдѣ и какъ, попалъ въ сѣти волшебницы, съ тѣмъ послѣдствіемъ, котораго ни одинъ грѣшникъ не можетъ избѣжать. Даже еще греки знали, что слушающій пѣніе сиренъ погибнетъ въ крушеніи около острова, усыпаннаго костями; греки говорили, что волшебный кубокъ Цирцеи—ея «восточный напитокъ въ хрустальномъ сосудѣ»—былъ бокалъ, который «измѣнялъ лицо пьющаго и давалъ ему постыдное сходство со звѣремъ, разрушая отпечатокъ разума, существующій на лицѣ».

Одинъ человѣкъ, близко знавшій юношу, о которомъ я говорю, и любившій его даже во

время паденія, долженъ былъ писать о немъ слѣдующее: «Я былъ близкимъ свидѣтелемъ послѣдствій интересной и романтической измѣны дому. Тутъ не было золотого ореола творчества. Я видѣлъ все въ настоящемъ свѣтѣ — и оно было отвратительно. Я видѣлъ паденіе разсудка, благодаря употребленію низкихъ увертокъ и привычкѣ къ вѣроломству и обману; видѣлъ тѣло, оскверненное заразнымъ вліяніемъ порочной души. Я много страдалъ, принужденный долго смотрѣть на это: но я не жалѣю, что учился тогда, потому что одно воспоминаніе о томъ времени дѣйствуетъ сильнѣйшимъ противоядіемъ искушенію. Эти воспоминанія убѣдили меня, что беззаконныя радости обманчивы и ядовиты, мы въ свое время разочаруемся въ ихъ привлекательности, а ядъ ихъ будетъ мучительно терзать позже, послѣдствія извратятъ навсегда».

Этотъ юноша умеръ ранней жалкой смертью, и сестра его писала: «мы похоронили нашего покойника далеко... Намъ не дано горевать по усопшемъ, какъ другіе горюютъ по близкимъ. Кончина нашего единственнаго брата является скорѣе милосердіемъ, чѣмъ наказаніемъ. Въ отро-

чествѣ онъ былъ гордостью отца и сестеръ, но намъ было суждено видѣть, какъ онъ пошелъ по дурной дорогѣ: надѣяться и ожидать его возвращенія къ праведному пути; видѣть, какъ надежды слабѣли, мольбы отвергнуты, наконецъ, испытать отчаяніе, и теперь быть свидѣтелями внезапнаго ранняго конца того, что могло бы явиться благородною жизнью—крушеніе таланта, уничтоженіе надеждъ, преждевременный, ужасный конецъ того, что могло быть пылающимъ, блестящимъ свѣтомъ. Онъ оставилъ о себѣ только воспоминаніе объ ошибкахъ и страданіяхъ. Я не могу выразить всей горечи сожалѣнія его жизни и смерти, всей щемящей тоски о пустотѣ всего его существованія. Мнѣ точно было откровеніе слабости человѣческой натуры; я поняла, что безъ религіи и нравственности даже талантъ не дастъ настоящаго достоинства и величія».

II. И многіе юноши ведутъ такую жалко растрачиваемую жизнь въ погонѣ за страстями и въ разочарованіи въ нихъ. Сравнимъ съ этой жизнью дѣятельность юношей, болѣе благородныхъ и чистыхъ сердцемъ, дѣятельность, угодную Богу.

Одинъ юноша получилъ награду за латин-

ское сочиненіе въ 1784 году въ Кембриджѣ. Тема сочиненія была: «можно ли оправдать насильственное рабство?» Онъ читалъ свое сочиненіе въ іюнѣ, потомъ верхомъ поѣхалъ домой, въ Лондонъ. По дорогѣ онъ думалъ о возмутительности существованія работорговли, и такъ взволновался, что сошелъ съ лошади, сѣлъ въ раздумьѣ и пришелъ къ заключенію, что «рабство надо уничтожить». Онъ рѣшилъ посвятить себя освобожденію Англіи отъ позора «употреблять оружіе свободы на то, чтобы заковывать въ кандалы рабовъ». Двадцать два года трудился онъ среди опасностей и затрудненій. Двадцать два года позже его вліяніе уже было очень сильно въ этомъ дѣлѣ, а въ 1807 г. уничтожена актомъ Парламента работорговля. Черезъ 26 лѣтъ, въ 1833 году существовавшіе еще рабы были освобождены. Теперь на мѣстѣ, гдѣ было принято такое рѣшеніе направленія жизни, стоитъ обелискъ. Имя этого юноши Томасъ Кларксонъ, и работа его на пользу Церкви выразилась въ покровительствѣ и пользованіи счастіемъ сотнями тысячъ самыхъ притѣсненныхъ и жалкихъ людей.

III. Немного болѣе столѣтія назадъ въ Кеттерингѣ, въ Нордхамптонширѣ жилъ бѣдный молодой сапожникъ баптистъ. Онъ не былъ хорошимъ мастеромъ, но иногда работалъ на одного джентельмена. Онъ пополнялъ свой скудный заработокъ тѣмъ, что училъ въ сельской школѣ. Этотъ юноша мучился мыслью, что, въ то время, какъ христіанство являлось нѣсколькими блестящими точками свѣта на обширномъ земномъ шарѣ, цѣлыя пространства въ тысячи квадратныхъ миль были покрыты тьмой, и народъ тамъ жилъ въ этой тяжелой тьмѣ. Онъ обыкновенно плакалъ, когда показывалъ своимъ бѣднымъ ученикамъ карту, на которой такое громадное пространство было занято мракомъ язычества. Онъ сдѣлался священникомъ маленькой общины и возбуждалъ въ членахъ ея глубокое убѣжденіе въ необходимости просвѣщенія язычниковъ. «Юноша», говорилъ молодому священнику его начальникъ - священникъ, «сиди смирно. Если Господь захочетъ обратить міръ, Онъ сдѣлаетъ это и безъ твоей помощи». Но юноша не унимался. Онъ говорилъ проповѣдь и собралъ въ церкви 13 фунтовъ 2 шиллинга

и 6 пенсовъ. Многіе награждали его за это насмѣшками, потѣшались надъ количествомъ денегъ и надъ «гнѣздомъ святыхъ башмачниковъ», которые должны просвѣтить міръ и милліоны язычниковъ. Этого юношу звали Вилльямъ Каррей; до своей смерти онъ перевелъ библію на главный изъ туземныхъ языковъ Индіи и первый далъ сильный толчокъ миссіонерской дѣятельности, которая подорвала безобразное язычество Индостана отъ Гималаевъ до мыса Коморинъ.

IV. Возьмемъ еще одинъ примѣръ. Лѣтъ 70 назадъ одинъ мальчикъ благороднаго происхожденія стоялъ у школьныхъ воротъ и вдругъ съ негодованіемъ увидѣлъ какъ нѣсколько пьяныхъ людей небрежно тащили на кладбище круглаго бѣдняка-сироту. Они волокли его по камнямъ, и за него никто не вступался. И тогда же этотъ великодушный мальчикъ рѣшилъ посвятить свою жизнь на защиту угнетаемыхъ, чтобы облегчить вздохи заключенныхъ и заступиться за обиженныхъ. Онъ чувствовалъ себя помазаннымъ на это дѣло «невидимой священной рукой», и онъ благородно выполнилъ свой обѣтъ. Онъ спа-

салъ маленькихъ трубочистовъ отъ звѣрскаго обращенія хозяевъ. Облегчалъ или уничтожалъ ужасы быта фабричныхъ и рудокоповъ. Онъ основывалъ школы для оборванцевъ. Онъ, какъ рыцарь прежнихъ временъ, искалъ порокъ для уничтоженія его. Мало было людей, кому бы больше было дано сдѣлать на пользу человѣчества. Какъ всѣ лучшія высшія натуры онъ былъ предметомъ клеветы, и сердце его болѣло отъ грустнаго одиночества. Ничего нельзя представить себѣ болѣе прекраснаго, какъ зрѣлище его похоронъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. «Для усопшихъ королей существуютъ опредѣленныя почести, и богачи имѣютъ свои пышныя похороны. Но его завидная судьба была—облечь цѣлый народъ въ добровольный трауръ и опуститься въ могилу среди благословеній бѣдняковъ». Имя его Антоній Ашлей, герцогъ Шефтсбюри. Его статуя стоитъ у западныхъ воротъ аббатства, она изъ бѣлаго мрамора и два слова, выбитыя на ней: «Люби, служи», есть лучшее и полнѣйшее содержаніе и смыслъ «молодого человѣка въ церкви».

ЮНОШИ И СУПРУЖЕСТВО.

ЮНОШИ И СУПРУЖЕСТВО.

Всѣ очень смѣялись, когда юмористическій журналъ «Пунчъ» напечаталъ совѣтъ людямъ. желающимъ жениться, чтобы они не женились. Какъ общее правило, это очень дурной совѣтъ. Причины, приведшія къ пренебреженію и избѣганію брака во время паденія Греціи и Рима, были очень позорные причины. Это былъ всепоглощающій эгоизмъ и закоренѣлые пороки. Въ Греціи они быстро довели до паденія все благородное, «вся слава обратилась во мракъ и сила въ прахъ». — Грекъ, герой Мараѳона и Саламина, патріотъ Ѳермопилъ, который считалъ достаточной эпитафію:

«Скажите Спартѣ тѣ, кто мимо шли,
Что долгу вѣрные мы здѣсь легли».

эти-то греки скоро, благодаря роскоши и чувственности, обратились въ тѣхъ Graeculus esuriens, которыхъ Ювеналъ описалъ такими презрѣнными, возмутительными.

Римляне, чья желѣзная, неустрашимая отвага покорила міръ, сдѣлались извращенными, изнѣженными людьми, которые заботились лишь о недостойныхъ личныхъ удобствахъ, пока «слава Рима не погасла какъ звѣзда за звѣздой», и Римъ, которому поклонялись могущественнѣйшія государства, позорно покончилъ съ собой, какъ жалкій отверженецъ.

Даже во дни Августа и особенно при послѣднихъ императорахъ государство чувствовало необходимымъ вмѣшаться въ дѣла порочнаго самоснисхожденія въ видахъ государственнаго самосохраненія. Были изданы законы, по которымъ отличія и преимущества ожидали тѣхъ, у кого были три ребенка, рожденныхъ въ законномъ бракѣ, а эгоистическое одиночество было заклеймено позорной хулой.

Еще гораздо раньше въ драмахъ Плавта и пьесахъ Теренція окончаніемъ было всегда заключеніе свадьбы; и отцы не чувствовали себя

спокойными, пока все это не было счастливо устроено. Поощреніе къ супружеству и сознаніе его священности было однимъ изъ главныхъ элементовъ живучести евреевъ. Въ ихъ книгахъ священныхъ и свѣтскихъ (они были самой религіозной націей древняго міра) часто встрѣчаются хвала и благословеніе браку; а у талмудистовъ считается позоромъ, если въ двадцать одинъ годъ юноша еще не женатъ. «Еврей, не имѣющій жены, — не человѣкъ», говоритъ талмудъ, «ибо сказано: мужа и жену создалъ Господь». И въ другомъ мѣстѣ сказано: «Если, достигнувъ двадцатилѣтняго возраста, юноша остается холостымъ, то онъ живетъ въ постоянномъ грѣхѣ. До этихъ поръ Святой Единый (да будетъ Онъ благословенъ) ожидаетъ, чтобы юноша сталъ способнымъ и къ браку, но Онъ проклянетъ кости юноши, который и позже останется холостымъ».

Я не думаю, чтобы лордъ Теннисонъ читалъ это еврейское изреченіе, но онъ сказалъ то же самое: «съ тѣхъ поръ какъ я себя помню, погруженный въ мысли о прообразованіяхъ міра, я всегда любилъ женщину; а кто живетъ иначе, ведетъ

полужизнь, занимаясь лишь своей особой, или смертельно страдая среди жизненныхъ опытовъ, или соединяя свои радости съ преступленіемъ».

Не буду распространяться о множествѣ опасностей и вреда эгоистической и порочной холостой жизни. Я обращаюсь только къ тѣмъ, кто, волею Божіею, желаетъ жениться и кто, даже въ наше время, находитъ въ чистой и вѣрной любви противоядіе искушенію и несетъ узы нравственной вѣрности своимъ будущимъ женамъ,— узы основанныя не на одной рыцарственности, но на возвышенныхъ религіозныхъ началахъ.

Развѣ нѣтъ между собирающимися жениться такихъ, которые хорошо бы сдѣлали, послушавшись повелительнаго «не женитесь». Да, такіе существуютъ, и они должны обратить вниманіе на этотъ совѣтъ.

1. Если, напримѣръ, юноша знаетъ, что прошедшею грѣшною жизнью сдѣлалъ себя неспособнымъ къ чистому и здоровому супружеству, и если онъ дѣйствительно раскаялся въ своихъ беззаконныхъ поступкахъ, онъ обязанъ помнить, что недостоинъ чистаго, святого союза, и что съ его стороны было бы вели-

чайшей низостью передать невинной женщинѣ и невиннымъ еще неродившимся дѣтямъ страшное мщеніе, которымъ Господь заклеймилъ его запретныя радости. Или, лично невинный, онъ знаетъ, что въ его семьѣ передается наслѣдственное худосочіе, недостатокъ сложенія, идіотизмъ или чахотка, тогда онъ долженъ понять, что стеченіемъ обстоятельствъ Богъ призвалъ его къ самоотверженію. Пусть онъ не стонетъ, что это слишкомъ тяжело ему. Господь щедро возмѣститъ страданія тѣмъ, кто оставилъ ради Него отца или мать, жену или дѣтей. Соотвѣтственно величинѣ жертвы, получатъ они во сто разъ большія награды.

Я зналъ одного человѣка, который именно такъ отказался отъ семьи. Онъ былъ праведникъ, и если кто-нибудь нуждался утѣшенія въ горѣ и счастья въ любящей женщинѣ, такъ это именно онъ. Но его отецъ и дядя кончили самоубійствомъ, и въ его семьѣ были еще другія предостерегавшія несчастія. Онъ боялся, что со временемъ несчастіе безумія коснется и его: хотя впродолженіе многихъ лѣтъ его разумной жизни, не было къ тому никакихъ признаковъ.

Поэтому, онъ рѣшилъ никогда не жениться, такъ какъ для общества будетъ лучше, если его родъ изсякнетъ. Его догадка оправдалась. Если бы онъ женился, то кончилъ бы, вѣроятно, трагично. Онъ умеръ мирно и счастливо въ убѣжищѣ, которое защищало и спасало его отъ развитія маніи убійства.

2. Есть еще препятствіе къ законному браку, которое не надо обходить: это безнадежная бѣдность или полная неувѣренность въ возможности и завтра имѣть кусокъ хлѣба, т.-е., отсутствіе постояннаго заработка. Жениться безъ пониманія, какъ иногда дѣлаютъ мальчики и дѣвочки бѣдняковъ, не имѣя въ будущемъ какого-нибудь обезпеченія, кромѣ заработка недѣльнаго труда, есть возмутительный эгоизмъ и паденіе до звѣря. Вотъ эти-то браки портятъ общество многочисленнымъ рожденіемъ слабыхъ, малорослыхъ, полуголодныхъ и полуидіотичныхъ дѣтей, которыя становятся проклятіемъ и карой будущихъ поколѣній. Если у человѣка нѣтъ средствъ содержать жену и семью, онъ, женясь, идетъ наперекоръ повелѣніямъ судьбы. Такая безразсудность не только

обречетъ его неминуемо на угнетающія заботы и подавляющую тревогу, но онъ увлечетъ жену и дѣтей въ безжалостную пропасть голода и нищеты. Будь онъ священникъ или міранинъ, человѣкъ безъ средствъ, женившись, совершаетъ преступленіе противъ общества, надѣясь. что у него «выгоритъ». У такихъ людей никогда не «выгораетъ».

3. Но если у человѣка нѣтъ Богомъ поставленныхъ препятствій для брака, надо все же осторожно выбирать себѣ жену. Юноша, берущій невѣсту изъ семьи съ наслѣдственными болѣзнями, обрекаетъ себя въ будущемъ на утраты и разбитыя надежды. Если юноша обладаетъ спокойствіемъ сужденія, онъ найдетъ крайне желательнымъ, чтобы мать его дѣтей обладала здоровьемъ, силой и разсудительностью и оставила дѣтямъ на всю жизнь наслѣдство здороваго духа въ здоровомъ тѣлѣ. И не скажите, что все это холодные разсчеты, которые унесутся потокомъ «влюбленности». Влюбиться дико, необдуманно, неосторожно, торопливо, не провѣряя своихъ чувствъ, разума и совѣсти — это слѣдовать слѣпому, буйному инстинкту и

поступить иначе, чѣмъ требуетъ долгъ въ такомъ важномъ шагѣ. Юноша можетъ увлечься хорошенькимъ личикомъ, но если его будущая жена ничего больше не имѣетъ, онъ скоро найдетъ, что «миловидность обманчива и красота суетна, но благоразумная жена отъ Господа».

4. Я бы посовѣтовалъ юношѣ призадуматься, прежде, чѣмъ жениться на неопрятной дѣвушкѣ. Я гащивалъ въ домахъ, гдѣ все было отвратительно, поэтому я бывало со страхомъ выдвигалъ ящикъ въ отведенной мнѣ комнатѣ, не зная, что я тамъ найду. Конечно, въ домѣ чистота должна слѣдовать за набожностью, а неопрятность равняется растратѣ. Немного старыхъ друзей вздумаютъ посѣтить человѣка, у котораго жена - неряха и, слѣдовательно, лица дѣтей не отличаются нѣжностью и чистотой.

Однажды молодая дѣвушка просила своего жениха написать за нее адресъ на письмѣ. Онъ такъ торопился, что забрызгалъ адресъ чернилами и написалъ неразборчиво. Она покраснѣла, когда онъ подалъ письмо, и съ той ми-

нуты ея расположеніе начало замѣтно охладѣвать. Она не вышла за него замужъ. И когда онъ разсказывалъ это обстоятельство, онъ великодушно замѣчалъ, что «она была наполовину права».

5. И, конечно, если юноша выбираетъ невѣсту, не убѣдившись, что у нея кроткій и ровный характеръ, то онъ дѣлаетъ спѣшный шагъ, въ которомъ ему, быть можетъ, горько придется раскаиваться многіе годы. Впрочемъ, это было сказано уже три тысячи лѣтъ тому назадъ. «Лучше жить въ углу на кровлѣ», говоритъ Соломонъ, «нежели со сварливой женой въ просторномъ домѣ» [1]), и еще; «сварливая жена сточная труба» [2]).

Петруччіо [3]) былъ очень мудръ, укротивъ свою строптивую жену раньше, чѣмъ она обратила его въ жертву. Вообще нѣтъ крайности сдѣлать плохой выборъ ошибкой. Только глупый

---

[1]) Притч. XXIV, 25.

[2]) Притч. XIX, 13.

[3]) См. комедію Шекспира «Укрощеніе строптивой».

юноша можетъ жениться на дѣвушкѣ, которую онъ мало или совсѣмъ не знаетъ. Лицо можетъ быть указателемъ, но часто безсознательно оно ведетъ къ ошибочнымъ заключеніямъ. Но если юноша имѣлъ случай часто бывать въ обществѣ своей нареченной раньше, чѣмъ рѣшилъ связать себя съ нею неразрывными узами, онъ долженъ быть особенно глупъ, чтобы не разобрать ея характера по ея обращенію съ отцомъ, матерью, братьями, сестрами и подругами. И, если онъ видитъ, что прекрасно относясь къ нему лично, она выказываетъ склонность къ эгоизму, я посовѣтовалъ бы ему во-время остановиться.

Я зналъ одного прекраснаго человѣка, веселаго и энергичнаго; по причинамъ, мнѣ непонятнымъ, онъ женился на черствой, непріятной, угловатой, несимпатичной женщинѣ. Не знаю, чѣмъ она была для него, но извѣстно было, что до женитьбы онъ былъ окруженъ толпой друзей, а послѣ мало кто, продолжая любить и уважать его, рѣшался пойти къ нему въ гости. Его жена, изъ скупости или изъ религіозности, обратившейся у нея въ угрюмость, принимала

друзей мужа такъ холодно, что если они заходили разъ, ихъ не просили придти въ другой разъ. Несимпатичная жена лишаетъ мужа его друзей.

6) Но если есть изъ несчастій супружеской жизни бо́льшее, приносящее какъ филоксера оскудѣніе винограднику и обращаетъ его цвѣты въ прахъ, такъ это пьянство. Я помню не одинъ ужасный примѣръ этого проклятія и извращенія, приводившаго къ печальному разочарованію семейную жизнь. Нельзя себѣ представить болѣе полнаго уничтоженія счастія. Я помню, какъ про жену одного моего знакомаго всѣ спрашивали, отчего она такъ странно ведетъ себя? Отчего она часто держитъ себя неповоротливо, какъ-то глупо и странно? Отчего временами у нея бываетъ ничѣмъ не вызванная веселость? Догадаться причины не трудно: хотя эта женщина была изъ хорошаго общества, но пила.

Я зналъ юношу въ исключительно хорошемъ положеніи, радостная жизнь его лежала передъ нимъ, но онъ женился на ограниченной, надменной и властной женщинѣ и, будучи не въ силахъ бороться съ этимъ бичемъ, началъ запивать. Онъ

все больше и больше сталъ входить въ долги, потерялъ своихъ кліентовъ, не былъ въ состояніи заплатить по счету своему виноторговцу, дошелъ до позора и нищеты, разорился самъ и оставилъ это разореніе въ наслѣдство дѣтямъ.

Я помню одного уважаемаго работящаго человѣка, который со слезами говорилъ, что во чтобы то ни стало онъ долженъ оставить свой домъ, бѣжать вонъ изъ него, разлучиться съ женой, которая понемногу увлекала его въ пропасть и нѣсколько разъ доводила его до горя и путала его дѣла, продавая все, что было въ домѣ, для покупки вина и производила такія бурныя и постыдныя сцены, что, продолжайся это еще не много, онъ не отвѣчалъ бы за себя.

Я помню еще одного стройнаго, изящнаго мужчину, который пришелъ ко мнѣ за совѣтомъ, что ему дѣлать съ женой, которая, въ то время, какъ мужъ былъ на службѣ, закладывала платья и сапоги своихъ сыновей, и пропивала деньги, а дѣтямъ не въ чемъ было идти въ школу. Я бы сказалъ каждому юношѣ: «если вы сами и ваша будущая жена не пьяницы, то ладья

вашей жизни ужъ ограждена отъ подводняго камня, о который много счастья было разбито».

II. Я говорилъ о выборѣ невѣсты, а теперь скажу о самомъ бракѣ.

1. Если даже юноша и его невѣста свободны отъ особенныхъ недостатковъ и опасныхъ наклонностей—супружество можетъ быть неудачнымъ и несчастнымъ, если оно ведетъ къ полнѣйшей тиранніи мужа или жены, или къ постояннымъ столкновеніямъ двухъ противоположныхъ характеровъ. «Если хочешь быть счастливъ, умѣй быть снисходительнымъ».—сказала одна чопорная старушка леди своему племяннику, и это былъ очень мудрый совѣтъ.

Въ супружествѣ, гдѣ должно быть единеніе сердецъ, надо брать и давать. И каждый изъ супруговъ часто долженъ предпочесть то, что ему отвлеченно и не особенно нравится, потому предпочесть, что это мило любимому человѣку. Какъ хорошо это описано у Мильтона, гдѣ онъ говоритъ, что «Ева была украшена распущенными золотистыми волосами, ниспадавшими на ея стройный станъ. Эти локоны походили на отростки винограда, который ищетъ поддержки

усиками своихъ побѣговъ. И она вся нуждалась въ поддержкѣ и давала власть надъ собой, кроткую, нѣжную власть, медля застѣнчиво и съ любовью признать ее. Да, и это основное подчиненіе должно перейти въ полную счастья власть мужа и жены, благодаря добровольной нѣжности, которая не ищетъ власти и не легко раздражается.

2. И гдѣ въ законной мудрости существуетъ это самопожертвованіе, которое любовь обращаетъ въ наслажденіе, тамъ супружество, которое Самъ Спаситель «украсилъ и освятилъ Своимъ присутствіемъ и совершоннымъ Имъ первымъ чудомъ въ Канѣ Галилейской», дѣйствительно наполнитъ рай. Такъ всегда было; такъ какъ это устроено Самимъ Богомъ съ самаго начала, что «и да будутъ двое—плоть едина».

Мы знаемъ картины священнаго Писанія. Въ ветхомъ завѣтѣ мы читаемъ о счастливомъ домѣ Авраама, Исаака, Вооза и отца Давидова съ его прекрасными сыновьями. «Кто нашелъ (добрую) жену, тотъ нашелъ благо» [1]), говоритъ Соло-

---

[1]) Притч. XVIII, 23.

монъ. «Наслаждайся жизнью съ женой, которую любишь, во всѣ дни суетной жизни твоей» [1], сказалъ Проповѣдникъ. «Добрая жена—счастливая доля», говоритъ сынъ Сираховъ, «она дается въ удѣлъ боящимся Господа» [2]. Въ Новомъ Завѣтѣ, можетъ быть, тысячу лѣтъ спустя, мы читаемъ: «бракъ да будетъ честенъ и ложе непорочно» [3].

3) А вотъ прекрасная картина, нарисован-нанная христіанскимъ писателемъ Тертулліаномъ въ III вѣкѣ: «Какъ счастливо супружество, одобренное небомъ». Какъ описать мнѣ счастье супружества, соединеннаго Церковью, подтвержденнаго таинствомъ, закрѣпленнаго благословеніемъ, — супружества, о которомъ объявляютъ ангелы, и которое Господь Отецъ считаетъ дѣйствительнымъ. Какъ благословенна свадьба двухъ вѣрующихъ съ одинаковой надеждой, одинаковымъ благочестіемъ, общими ко всему чувствами. Оба братья, оба вмѣстѣ трудятся. Они вмѣстѣ молятся, просвѣщаютъ, обод-

[1]) Еккл. IX, 9.
[2]) Сир. 26, 3.
[3]) Евр. XIII, 4.

ряютъ и поддерживаютъ другъ друга. Они неразлучны въ «Церкви» Божіей, въ ея радостяхъ, горѣ, преслѣдованіяхъ и утѣшеніи. Никто изъ нихъ не избѣгаетъ другого, никто не суровъ. Добровольно они навѣщаютъ больныхъ, помогаютъ бѣднымъ. Христосъ, видя и слыша подобное, радуется, Онъ посылаетъ имъ миръ Свой. Гдѣ они, тамъ и Онъ, и діаволъ бѣжитъ отъ нихъ. Дѣйствительно, такой бракъ есть «царица дружбы» и «разсадникъ для неба». Чтобы доказать, что все сказанное не есть идеальное изображеніе былого, я приведу свидѣтельство современнаго писателя, такъ какъ оно полно содержанія и красоты. «Онъ былъ джентельменъ, она идеальная женщина, мать и притомъ леди. Это счастливая пара. Жизнь ихъ полна содержанія и труда, но оживленнаго веселіемъ. Такимъ образомъ небомъ установленное супружество является въ настоящемъ свѣтѣ, и радостно душѣ видѣть такое проявленіе воли Божіей, но притомъ грустно думать, какъ часто злоупотребляли милостью Божіей, оказанной мужчинѣ и женщинѣ, пока бракъ не сталъ предметомъ постоянныхъ шутокъ писателей фарса и еже-

недѣльныхъ остротъ. Но въ этой парѣ мы видимъ чудеса, которыя способны дѣлать другъ для друга мужчина и женщина, соединенные бракомъ. Только въ этихъ благословенныхъ отношеніяхъ могутъ слиться два интереса и два сердца кпооиться въ бухтѣ жизни рядомъ. Они друзья, ибо они мужъ и жена; притомъ они влюбленные, ибо они мужъ и жена; они соединены во едино на вѣки, ибо они мужъ и жена. Такая жена освѣтитъ домъ для мужа съ кухни до чердака; такой мужъ работаетъ какъ король для своей жены. Они дѣлятъ всѣ безпокойства и, дѣля ихъ, уменьшаютъ. Они дѣлятъ всѣ радости и, дѣлая ихъ, увеличиваютъ ихъ. Они вмѣстѣ взбираются теперь на гору; и когда по неизбѣжному закону, они будутъ спускаться въ темную долину, они все же пойдутъ рука объ руку, улыбаясь и поддерживая другъ друга еще нѣжнѣе, чѣмъ въ то время, когда рука была сильна и нога тверда. Чего бояться въ старости такимъ счастливымъ супругамъ? Она не можетъ обезобразить ихъ, такъ какъ, хотя свѣжесть молодости исчезаетъ, является новый родъ спокойной красоты, какъ цвѣтокъ алое многихъ

лѣтъ невинности, и это украшаетъ какъ голубиная кротость стариковъ, на лицахъ которыхъ давно соединены доброта, симпатія и умъ. На такихъ лицахъ дурныя страсти (ибо всѣ мы люди) лишь мимолетно мелькнули и не нашли себѣ пристанища». (Риде «Кристи Джонстонъ»).

Такъ же высоко думалъ о бракѣ принцъ, сказавшій своей невѣстѣ: «жена моя, жизнь моя! Мы пройдемъ чрезъ этотъ міръ подъ бременемъ добрыхъ дѣлъ и чрезъ земныя врата по невѣдомой пустынѣ».

Конечно, я совѣтую юношѣ мудро и обдуманно жениться. Но пусть онъ рѣшится на этотъ важный шагъ въ жизни не легкомысленно, необдуманно и игриво, а скромно, подумавъ, трезво въ страхѣ Божіемъ, достойно взвѣсивъ причины, по которымъ установленъ бракъ». Онъ установленъ для созданія счастливыхъ семейныхъ очаговъ и для продолженія рода человѣческаго; и для того, чтобы «одинъ нашелъ въ другомъ общество, помощь и утѣшеніе въ радости и горѣ». Такое супружество есть хранитель нравственности, самое дѣятельное вдохновеніе для труда и борьбы; самое

драгоцѣнное утѣшеніе среди тягостей, заботъ и волненій жизни. Поэтъ Эрнестъ Джонсъ говоритъ: «жена моя, дитя мое, подойди близко ко мнѣ; мы знаемъ, что міръ есть бурное море; но, держа тебя за руки, я равнодушенъ ко всякой непогодѣ. Самый сильный ураганъ ничто для меня, если я защищаю тебя; мнѣ не нужно тепла, потому что вой вѣтра поетъ моему сердцу: «вѣрный и смѣлый человѣкъ».

«Дорогая моя, для многихъ жизнь есть мирное плаваніе по тихому морю; они не боятся бури, вѣтеръ вѣетъ тепломъ, и куда они не обратятся, вездѣ для нихъ готовы друзья. Но, жена моя и дитя мое, любовь, вознесшая насъ до неба, могла развиться только среди бурь, доказавъ правду и силу сердца». Непохожая на бурю, жизнь Э. Джонса была блескъ изящнаго общества, среди котораго жилъ Томъ Муръ, но если первый нашелъ дома миръ, невозможный среди волнующей жизненной борьбы, то послѣдній, убѣдившись, что слова и успѣхъ обратились въ прахъ, и міръ ничего не даетъ кромѣ пустоты, такъ же обратился домой и нашелъ въ немъ то, что́ міръ не могъ ни дать,

ни отнять. Въ трогательныхъ стихахъ, посвященныхъ собственному дню рожденія, самые лучшіе и правдивые изъ написанныхъ имъ, онъ говорилъ, что если бы можно было уничтожить прошлое, онъ все бы разрушилъ, кромѣ «той свободы разсудка и совѣсти, которая была мнѣ дороже богатства: кромѣ дружбы, начатой въ отрочествѣ и продолжающейся до сихъ поръ; кромѣ дорогой семьи, этого спасительнаго ковчега, гдѣ я наконецъ нашелъ свѣтъ любви, блестѣвшій въ то время, какъ все кругомъ было темно, бурно и неутѣшно».

Я опять повторяю каждому юношѣ, что если Господь сподобитъ его милости цѣломудреннаго и счастливаго брака, Онъ дастъ ему райскую розу и, получивъ ее, юноша скажетъ: «привѣтствую тебя, супружеская любовь. Ты есть таинственный законъ и вѣрный источникъ продолженія рода человѣческаго, ты единственное достояніе рая изъ всего остального. Прочныя радости были отторгнуты тобою отъ людей и приравнены къ животнымъ».

«Тобою основанные, на разумѣ, правдѣ и чистотѣ, познали мы лучшія милосердныя чув-

ства отца, сына и брата. Любовь употребляетъ здѣсь свои золотыя стрѣлы; здѣсь горитъ ея свѣтильникъ и слышно вѣяніе ея пурпурныхъ крыльевъ; любовь царитъ здѣсь и наслаждается».



САМООБЛАДАНІЕ ЮНОШИ.

САМООБЛАДАНІЕ ЮНОШИ.

Относясь съ самымъ искреннимъ и теплымъ участіемъ къ благу молодежи, я написалъ нѣсколько главъ, касающихся до нея, а именно: «Юноша дома», «Юноша у дѣлъ», «Юноша въ церкви» и «Юноши и супружество». Предлагаемая глава составляетъ необходимое предисловіе къ остальнымъ. Она касается самообладающаго юноши. Юноша, не пріобрѣвшій власти надъ собой, не можетъ достигнуть идеала въ какой бы то ни было сферѣ. Его жизнь, даже блестящая снаружи, будетъ неудачна и неудачна вполнѣ. Несчастливъ человѣкъ не тогда, когда онъ бѣденъ, неизвѣстенъ, но когда онъ рабъ своей низменной при-

роды. Многіе изъ лучшихъ людей человѣческой расы, пророки и святые были ненавидимы, преслѣдуемы, изгоняемы; они ходили по свѣту въ овечьихъ и козьихъ шкурахъ; жили въ подземельяхъ и пещерахъ; они были бѣдны; ихъ оскорбляли, мучили; и многіе изъ нихъ были замучены, отказываясь отъ представлявшейся имъ возможности спасти свою жизнь. Они никогда не знали наслажденій богатства, упоенія славы, сладости власти. Не однимъ только подвижникамъ вѣры пришлось испытывать это. Многіе изъ лучшихъ людей должны были во всю жизнь испытывать на себѣ «узы и стрѣлы горькой судьбы».

Поклонникъ нашего великаго поэта Спенсера, Финеасъ Флетчеръ, пишетъ въ своемъ сочиненіи «Пурпуровый островъ»:

«Надежды его не сбылись; его планы отвергнуты.
Мысли не поняты; онъ опечаленъ, унылъ.
Въ бѣдности жилъ, въ бѣдности, бѣдный, онъ умеръ».

Мы знаемъ также какъ часто для лучезарной души Мильтона:

Дни скорби, дни клеветы настали для него,
Онъ окруженъ опасностью и тьмою
И одиночествомъ.

Какое благородное сердце могло быть спокойно во время варварскаго торжества Бахуса и его поклонниковъ, въ ужасные дни реставраціи Стюартовъ?

Мало понятія о жизни имѣетъ человѣкъ, не допускающій, что иногда кажущаяся неудача можетъ быть блестящимъ успѣхомъ, а то, что считается за тріумфъ—оказаться полнымъ пораженіемъ.

Каждый юноша долженъ признать аксіомой, что:

«Уваженіе къ себѣ, познаніе самого себя, умѣнье владѣть собой—только эти три качества ведутъ къ высшей власти».

На окошкѣ одной изъ комнатъ въ Королевской Коллегіи, въ Оксфордѣ, есть надпись, напоминающая, что въ этой комнатѣ жилъ нѣкогда нашъ юный герой — король Генрихъ V, который прекрасно характеризованъ, какъ

«Victor hostium et sui»

«побѣдитель не только враговъ, но и самого себя».

Враговъ своихъ онъ побѣдилъ при Азинкурѣ, но гораздо труднѣе далась ему побѣда надъ самимъ собой: трудно было перейти отъ прежнихъ безумствъ къ борьбѣ и отъ борьбы къ побѣдѣ. Сколько увѣнчанныхъ лаврами побѣдителей, прогонявшихъ враговъ со многихъ полей битвъ, безславно пало передъ врагами своего собственнаго сердца. Они были побѣждены низшими побужденіями своей природы.

Малодушный, онъ льстивой рѣчью
Меня увлекаетъ къ покою, веселью и нѣгѣ.
Покорный ему, я себѣ измѣняю.
Онъ другъ мой невѣрный, онъ грозный мой врагъ.
Преграда на жизненномъ трудномъ пути.

Александръ Македонскій одержалъ побѣды при Иссѣ, Граникѣ и Арбелѣ; онъ основалъ одно изъ громаднѣйшихъ государствъ всего міра раньше, чѣмъ ему исполнилось тридцать три года; но великій молодой грекъ умеръ въ Вавилонѣ, побѣжденный низшими инстинктами своей природы, какъ умираютъ безумцы, отъ пьянства и разврата.

Наполеонъ I выигралъ сотни блестящихъ сраженій, но заброшенный на безплодную скалу

въ Атлантическомъ океанѣ, чтобы умереть тамъ, онъ не нашелъ въ себѣ самаго обыкновеннаго утѣшенія и постоянно входилъ въ мелкіе, недостойные споры объ этикетѣ и шампанскомъ съ сэромъ Гедзонъ Лоу.

Съ другой стороны встрѣчаются люди, побѣжденные своими внѣшними врагами, застигнутые смертью ранѣе. чѣмъ имъ удалось достигнуть исполненія хоть одной изъ своихъ великихъ цѣлей; вслѣдствіе ихъ добродѣтели ихъ пригвождаютъ ко кресту позора; во мракѣ и печали кончаютъ они свою грустную жизнь, въ темницѣ, на эшафотѣ, на колу. Но, именно, эти люди и получаютъ безсмертные лавры. Развѣ жизнь Христа не прототипъ такихъ блистательныхъ пораженій? И развѣ „учителя знающихъ“ не были убѣждены въ величіи этого идеала?

Кто не слыхалъ извѣстной поговорки христіанъ «Via crucis, via lucis» (дорога къ кресту—дорога къ свѣту) и «нѣтъ креста—нѣтъ вѣнца»? Данте говоритъ: «не на цвѣточныхъ ложахъ, не подъ сѣнью балдахина можно заслужить небо».

Пусть не воображаетъ юноша, что идеалъ

креста — идеалъ печали и унынія. Напротивъ, это идеалъ высшаго превосходства и постояннаго блаженства—даже экстаза, котораго свѣтъ не можетъ ни дать, ни отнять.

Мученики за правду, въ минуту самаго сильнаго страданія, чувствовали величайшую радость. Они бывали «contenti nel fuoco» счастливы въ огнѣ. Часто на лицахъ мучениковъ, воздымавшихъ изъ пламени свои дрожавшія руки, бывало сіяніе, никогда не свѣтившееся подъ діадемами земного счастья. А люди изъ низшихъ сословій, достигнувшіе престола, восклицали вмѣстѣ съ Мудрымъ Царемъ о суетѣ высочайшихъ благъ міра. Они восклицали съ Тиверіемъ: «Всѣ боги и богини противъ меня», съ Септиміемъ Северомъ: «Я былъ всѣмъ, и это ни къ чему мнѣ не послужило». А почему? Потому что единственная, вѣчная тайна быть хоть относительно счастливымъ не зависитъ отъ внѣшнихъ условій. Источники радости и блаженства заключаются единственно въ насъ самихъ. Если сердце человѣка неспокойно, если онъ недоволенъ, если спокойная совѣсть не озаряетъ его своимъ свѣтомъ—ничто не можетъ сдѣлать его счаст-

ливымъ. Какимъ бы то ни было образомъ, онъ измѣнилъ своимъ лучшимъ побужденіямъ и честнѣйшимъ стремленіямъ, и «величайшее несчастіе, когда натура, созданная для благороднѣйшихъ дѣяній, въ молодости обрекаетъ себя на мелкія радости и, страдая жаждой воздуха, вдыхаетъ жизнь мелкими глотками».

Эту минуту мы лучше всего познаемъ (какъ и другія) изъ священнаго писанія. Господь училъ насъ: «Жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія его имѣній» [1], а св. ап. Павелъ говоритъ о христіанахъ: «мы ничего не имѣемъ, но всѣмъ обладаемъ» [2].

Итакъ, сущность всякаго счастья, всякаго благороднаго побужденія, всякаго истиннаго преуспѣянія состоитъ въ самообладаніи. Можетъ показаться страннымъ, что наше я–самая основа нашего существа—все, что даетъ намъ истинное безсмертіе, не получается нами при рожденіи, а должно быть пріобрѣтено нами. Мы должны, такъ сказать, поработать надъ собой, чтобы достигнуть этого.

---

[1]) Лук. XII, 15.
[2]) 2 Кор. VI, 10.

Обыкновенная наша манера говорить о самообладанiи показываетъ, какъ узко толкуется понятiе объ этомъ качествѣ. Подъ словомъ «самообладанiе» обыкновенно понимается, что человѣкъ не выказываетъ наружныхъ признаковъ волненiя или страха въ какомъ либо неожиданномъ несчастномъ случаѣ, что онъ умѣетъ управлять мускулами своего лица, что онъ можетъ скрыть волненiе или возбужденiе, которое бываетъ замѣтно у другихъ. Когда въ обществѣ говорятъ про молодого человѣка, что онъ «самъ себѣ господинъ», это значитъ только, что у него есть состоянiе, и онъ можетъ дѣлать, что хочетъ.

Но настоящее значенiе слова «самообладанiе» и выраженiе «быть господиномъ самому себѣ» далеко не такъ поверхностно: оно касается самыхъ глубокихъ фибръ человѣческой природы.

Наша природа не проста, но сложна; ея совершенство и блаженство состоятъ въ гармоническомъ соотношенiи ея стремленiй и силъ. Мы овладѣваемъ собой, когда научаемся отдавать преимущество лучшему и вѣчному въ насъ и рѣшительно сдерживать всѣ низкiе и разрушительные элементы нашей натуры.

Эта истина сознавалась и языческими моралистами; особенно Платонъ сумѣлъ удивительно ясно постигнуть ее [1]. Онъ описываетъ человѣка въ видѣ трехчленнаго существа, состоящаго изъ соединенія: льва, многоголоваго чудовища и человѣка. Левъ изображаетъ страсти души, не всегда достойныя, но легко выходящія изъ повиновенія и, въ подобномъ случаѣ, становящіяся разрушительными. Чудовище—животное съ головами всевозможныхъ животныхъ, «ручныхъ и дикихъ» — изображаетъ похоти тѣла. Человѣкъ изображаетъ представителя разума. «Ничего нѣтъ опаснѣе, говоритъ Сократъ, какъ ублажая многоголовое чудовище, укрѣпляя льва, морить голодомъ и ослаблять человѣка».

Человѣческое существо только тогда выполняетъ свое истинное назначеніе, когда человѣкъ дѣлается полнымъ властелиномъ надо львомъ, сдерживая всѣ его порывы, и когда онъ попираетъ ногами многоголовое чудовище. Но мало тѣхъ, кто не дозволяетъ льву и чудовищу деспотически управлять разумомъ, и тогда человѣкъ

---

[1]) Платонъ, «Республика», стр. 588.

становится низменнымъ животнымъ, похожимъ на демона.

Человѣкъ пребываетъ въ одномъ изъ трехъ слѣдующихъ состояній: 1) состояніе пораженія, 2) состояніе борьбы съ неопредѣленнымъ исходомъ и 3) состояніе несомнѣнной побѣды.

1. Состояніе полнаго пораженія человѣка представляетъ собою зрѣлище, соединяющее въ себѣ ужаснѣйшія тайны и величайшія трагедіи нашей земной жизни. Состояніе это имѣетъ много ступеней; оно не всегда связано съ полнымъ и безнадежнымъ отчаяніемъ; оно является, когда человѣкъ допускаетъ себя сдѣлаться рабомъ своихъ низшихъ, особенно чувственныхъ влеченій. Шекспиръ имѣлъ основаніе сказать: «покажите мнѣ человѣка, не раба своей страсти, и я сохраню его образъ въ глубинѣ моей души» [1].

Многіе люди ни что иное, какъ рабы своей страсти, и нѣтъ другого рабства, болѣе тяжелаго и печальнаго—какъ это. Обязанность, налагаемая на насъ природой, разумомъ, совѣстью,

---

[1]) Шекспиръ—Гамлетъ.

священнымъ писаніемъ, голосомъ Бога внутри насъ и извнѣ, заставляетъ насъ бороться съ нашими дурными страстями. Погибъ человѣкъ, снисходительно относящійся къ своимъ низкимъ инстинктамъ, дѣлающій имъ поблажки, потому что, какъ говоритъ Аристотель, „мы естественно склоннѣе къ излишней снисходительности, чѣмъ къ умѣренности [1]. Единственный способъ овладѣть собой состоитъ въ сопротивленіи начинающемуся злу: слѣдуетъ задушить животное влеченіе въ зародышѣ, попрать еще не родившуюся змѣю съ ея блестящей оболочкой. Только чудо можетъ спасти насъ, если мы будемъ играть со зломъ, вступать съ нимъ въ переговоры, ублажать дьявола, сидящаго въ насъ. Мы не можемъ заключать безвредныхъ сдѣлокъ со смертью или условій съ адомъ.

Напримѣръ, жизненный опытъ доказываетъ громадную силу чувственныхъ влеченій, но всякій человѣкъ можетъ прожить, какъ и прожили сотни тысячъ людей, чистой и умѣренной жизнью. Условіе подобной жизни составляетъ сопро-

---

[1]) Εὐκατάφοροί ἐσμεν πρὸς ἀκολασίαν μᾶλλον ἢ πρὸς κοσμιότητα. Arist. Eth. № II, 8, 8,

тивленіе влеченію; намъ нужно ожесточить себя противъ самого себя; намъ слѣдуетъ воспользоваться божественной благодатью, всегда доступной для тѣхъ, кто ищетъ ее. Человѣкъ, по роковому опыту, повторяющемуся со дня, когда яблоко соблазнило Еву, узнаетъ, что поддаваться искушенію—значитъ потерять истинное самообладаніе. Въ этомъ случаѣ онъ похожъ на человѣка, воображающаго, что можно броситься въ быстрый и бурный потокъ и не быть унесеннымъ имъ, что можно пройти въ темнотѣ по краю пропасти, не рискуя упасть и разбиться, что цѣпь изъ цвѣтовъ въ состояніи удержать его разыгравшіеся аппетиты, когда они овладѣваютъ имъ. Какъ можетъ остаться чистымъ тотъ, кто въ своемъ испорченномъ воображеніи постоянно прислушивается къ пѣснѣ сиренъ? кто думаетъ, что можетъ безнаказанно осквернять святая святыхъ своего нравственнаго существа, не выказывая этого своими наружными поступками? тотъ, кто развратной литературой и разной другой формой нездороваго возбужденія поддерживаетъ и укрѣпляетъ тѣ страсти, которыя только черезъ суровое самоотреченіе и борьбу

съ ними могутъ быть обращены въ умѣренность, воздержаніе и цѣломудріе.

Или возьмемъ ужасный, отвратительный порокъ пьянства. Можно ли представить себѣ болѣе грустное зрѣлище, чѣмъ видъ пьяницы? Онъ похожъ на корабль, несущійся по бушующимъ волнамъ, на ужасное кораблекрушеніе на дикомъ берегу жизни. Онъ не можетъ сопротивляться химическому продукту; онъ сдѣлался рабомъ неодушевленной вещи; онъ отдаетъ все, что въ немъ есть божественнаго, во власть самаго низкаго и презрѣннаго изъ враговъ.

«Еслибы стаканъ водки былъ передо мной,— сказалъ одинъ изъ этихъ несчастныхъ,—и между нимъ и мною былъ бы адскій огонь, то я по своей слабости, протянулъ бы руку и взялъ его».

Развѣ это не демонъ овладѣваетъ человѣкомъ? Развѣ это не «червь неумирающій», и не «огонь неугасимый», введенный въ сердце и заключенный тамъ самимъ человѣкомъ?

2. Второе и, можетъ быть, самое обыкновенное состояніе есть состояніе неопредѣленной борьбы. Человѣкъ, который дозволитъ раздаться въ глубинѣ своей души громкому кро-

вожадному реву дикаго звѣря—плоти, или юноша, безпечно играющій съ обольстительнымъ ядовитымъ влеченіемъ, которое не замедлитъ превратиться въ грознаго крылатаго змѣя, человѣкъ, добровольно уступившій дьяволу власть надъ собой и часть самого себя и отказавшійся отъ своей части въ Господѣ Іисусѣ Христѣ — всѣ они отреклись отъ Царствія Небеснаго.

Безконечно легче отстаивать укрѣпленія, чѣмъ возобновлять тѣ, которыя были поколеблены и разрушены подходами непріятеля. Гораздо легче выиграть сраженіе, чѣмъ удерживать наступленіе. Таковъ роковой опытъ, описанный св. ап. Павломъ: «Желаніе добра есть во мнѣ, но, чтобы сдѣлать оное, того не нахожу. Добраго, котораго хочу, не дѣлаю... Если же дѣлаю то, чего не хочу, уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ... Ибо по внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ. Но въ членахъ моихъ вижу иной законъ... Бѣдный я человѣкъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти» [1]?

---

[1]) Посл. Римл. VII, 18—25.

Таково признаніе Овидія:

> «Video meliora, proboque
> Deteriora sequor:» [1]

Таково восклицаніе Людовика XIV: «Я знаю этихъ двухъ людей, когда Массильонъ описывалъ стараго и молодого человѣка, обитающаго въ насъ.

Всѣ люди должны чувствовать, что въ то время, какъ ангелъ держитъ насъ за руку, змѣя хватаетъ насъ за сердце. Этимъ объясняется прискорбный феноменъ непослѣдовательности. То же самое обстоятельство дѣлаетъ понятнымъ внезапное, страшное проявленіе зла въ поведеніи людей, считавшихся хорошими. Оно же помогаетъ разгадать и часто повторяющіеся случаи неожиданнаго разоблаченія нравственной погибели людей, всю жизнь казавшихся окруженными ореоломъ святости.

Во многихъ людяхъ два человѣка — Адамъ и Христосъ.

---

[1]) Ovid, Met. VII; comp. Euripides Medea 1078 — καὶ μανθάνω, μὲν οἷα δρᾶν μέλλω κακὰ θυμὸς δὲ κρείσσων τῶν ἐμῶν βουλευμάτων.

«Казалось, жизнью двойною онъ жилъ:
Былъ занятъ внѣшними дѣлами міра,
Но охранялъ, какъ воинъ на посту,
Міръ внутренній, міръ нравственности высшей».

Итакъ, говоря оригинальными словами Теннисона:

«Странная смѣсь — человѣкъ: готовъ разорваться отъ великодушія — и падаетъ въ чувственную грязь».

3. Третье состояніе одержанной побѣды самое совершенное; въ немъ человѣкъ, вооруженный для борьбы, спокойно наблюдаетъ за собой и достигаетъ рѣшительной побѣды надъ душевными страстями и плотскими похотями, составляющими признаки его духовнаго родства съ тигромъ и обезьяной. Это состояніе тѣхъ, которые, какъ описываетъ въ Апокалипсисѣ Іоаннъ Богословъ, сіяющею толпой чистыхъ и непорочныхъ, въ бѣлыхъ одеждахъ, съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ, идутъ всюду по стопамъ Агнца. Это тѣ, которыхъ изображаетъ Платонъ идущими за крылатой колесницей Зевса и двѣнадцати главнѣйшихъ боговъ, между тѣмъ какъ остальные, хромые, со сломанными кры-

льями, падаютъ внизъ вслѣдствіе ярости коней, впряженныхъ въ ихъ колесницу, борясь и попирая другъ друга [1].

Поэты, которые всегда были величайшими учителями нравственности, во всѣ времена постоянно указывали на счастье и значеніе подобной побѣды надъ собой.

Виргилій воспѣваетъ:

«Felix qui potuit rerum cognoscere causas
Quique metus omnes, et inexorabile fatum
Subjecit pedibus, strepitumque Acherontis avari».

Такъ говоритъ Данте, которому въ награду за его постоянство, при окончаніи всѣхъ его потрясающихъ душу видѣній Виргилій сказалъ:

«Твои сужденья правильны, свободны честны;
Неправъ ты будешь, если имъ не подчинишься.
Вѣнчаю я тебя короною и митрой—царствуй надъ собой» [2].

Шекспиръ говоритъ:

«Я утратилъ безсмертную часть самого себя, и у меня осталась только животная».

---

[1]) Plato «Phaedrus». 246 E.

[2]) Dante «Purgat». XXVII, 140—143: «Perch'io te soepra te corono e mitrio».

По словамъ Флетчера:

«Путеводной звѣздой можешь, каждый, себѣ
ты быть.
Кто духомъ силенъ, честенъ и правдивъ,
Въ того рукахъ и жизнь, и власть, и рокъ.
Ничто не рано и не поздно для него...
Дѣянья наши—ангелы добра и зла,
Что тѣнью неотступной летятъ за нами»

Серъ Генрихъ Уоттонъ пишетъ:

«Счастливъ тотъ, кто отъ природы,
Иль работой надъ собой,
Пріобрѣлъ себѣ свободу,
Не призналъ себя рабомъ.
Мысль честная—его броня,
А истина—его оружіе.
Не признаетъ страстей онъ ига,
Не вѣдаетъ онъ страха смерти.
Стремленья къ славѣ, къ похвалѣ цѣпями
Его своими не сковали.
Надежда возвышенья, страхъ паденья
Въ своей его не держатъ власти.
Онъ не владѣетъ землями, владѣетъ онъ собой.
Онъ не имѣетъ ничего—и все въ его рукахъ».

Мильтонъ:

«Тотъ, кто чтитъ и уважаетъ въ себѣ образъ

Божій и видитъ на своемъ челѣ знаменіе искупленія, долженъ считать себя способнымъ на благороднѣйшіе божественные поступки».

Вордсвортъ говоритъ о человѣкѣ:

«Кто, не смущаясь неудачей,
Въ несчастіи и счастіи, въ довольствѣ и неволѣ,
Изъ игръ различныхъ въ ту играетъ,
Въ которой выигрышъ ему всего цѣннѣй,
Тотъ воинъ доблестный; такимъ желалъ бы
Быть всякій, кто оружье въ руки взялъ».

По Кольриджу:

Всякій добрый человѣкъ имѣетъ много
Сокровищъ и друзей. Его сокровища —
Любовь и ясность кроткая души,
Спокойное теченье мысли, на мирное дыханіе ребенка
Похожее. Три друга вѣрные, вѣрнѣе дня и ночи —
Онъ самъ, его Творецъ и ангелъ смерти.

Матью Арнольдъ говоритъ:

«О, голосъ небесный, давно ужъ божественно чистый,
Отзвукомъ въ сердцѣ моемъ отзываешься ты:
Рѣшись быть собой: кто себя обрѣтаетъ,
Надъ тѣмъ власть теряютъ всѣ бѣдствія жизни».

Клоу:

«Углубляясь въ себя, изслѣдуя сердце
Въ камнѣ отыщешь ты хлѣбъ, въ омертвѣвшей душѣ найдешь ты жизнь».

Левисъ Морисъ:

«Пусть мысль твоя стремится къ истинѣ и правдѣ,
Ты будешь счастливъ, хоть ничтоженъ будетъ жребій твой.
Богатство—тлѣнъ, и почести, и слава преходящи,
А наслажденье тяготитъ возвышенную душу.
Храни невинность. Будь вѣренъ долгу человѣка.
Не соблазняйся наслажденьемъ, не страшись страданій.
Кто обладаетъ этой силой духа—владѣетъ всѣмъ.
А безъ нея властитель міра нищъ и слабъ».

А другой поэтъ говоритъ:

«Будь самъ себѣ дворцомъ или свѣтомъ твоей темницы».

Мы заранѣе могли быть увѣрены, что первое откровеніе такой поразительной и необходимой истины находится въ священномъ писаніи и выражено Господомъ въ краткой, но точной формѣ: «Терпѣніемъ вашимъ спасайте души ваши». Въ англійскомъ переводѣ слово κτᾶσθαι невѣрно передано, и текстъ долженъ бы

быть переведенъ слѣдующимъ образомъ: «Терпѣніемъ вашимъ спасайте души ваши» [1].

Самообладаніе не дается намъ сразу; оно пріобрѣтается человѣкомъ трудомъ и тяжелою борьбою.

Какъ пріобрѣсти самообладаніе?

Существуетъ только одинъ старый отвѣтъ. Всякій новый, оригинальный отвѣтъ оказался бы невѣрнымъ. Его даетъ намъ старая, но всегда новая книга, по которой матери учили насъ: «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть въ искушеніе» [2]. «Поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделѣній плоти» [3]. Тѣло человѣка можетъ развратиться; изъ святилища оно можетъ превратиться въ гноище, полное костей мертвецовъ и всякихъ нечистотъ. Изъ алтаря оно можетъ упасть до мѣста сборища демоновъ, до жилища козлищъ и сатировъ и всякихъ нечистыхъ существъ. Душа человѣка можетъ отъ обиталища высшихъ добродѣ-

---

1) Лук. XXI, 19

2) Матѳ. XXVI, 41.

3) Гал. V, 16.

телей снизойти до клѣтки нечистыхъ звѣрей. Но духъ человѣка никогда не можетъ быть оскверненъ. Онъ можетъ быть удрученъ; онъ можетъ быть угашенъ; онъ можетъ быть заглушенъ въ насъ, но никогда не извращенъ вслѣдствіе того, что онъ божественъ, вѣченъ; это часть Божества въ насъ; черезъ него мы являемся подобіемъ Божіимъ. Но «Голубь» не можетъ летать въ нечистыхъ мѣстахъ, а Святой Духъ жить въ испорченномъ сердцѣ. Постоянной молитвой, постояннымъ усиліемъ слѣдуетъ поддерживать чистоту сердца.

Св. ап. Павелъ былъ человѣкомъ «третьяго неба», «гонителемъ неба», какъ называетъ его греческая Церковь, но даже онъ говоритъ: «Одно я дѣлаю: забывая заднее и простираясь впередъ, я стремлюсь къ цѣли, къ почести вышняго званія Божія во Христѣ Іисусѣ»... «И потому я бѣгу не такъ, какъ на невѣрное, бьюсь не такъ, чтобы только бить воздухъ, но усмиряю и порабощаю тѣло мое, дабы проповѣдуя другимъ, самому не остаться недостойнымъ» [1].

[1]) Филипп. III, 6. 2 Кор. XII, 2. Филипп. III, 13, 14. 1 Кор. IX, 26, 27.

Итакъ, мы видимъ, что побѣда только на сторонѣ рѣшительныхъ и сильныхъ. Какъ долго и какъ сурово тренировали себя греческіе борцы и римскіе гладіаторы. Такъ же поступаютъ и нынѣшніе участники въ атлетическихъ играхъ. Какъ заботливо воздерживались они отъ питья вина, какой строгой діэтѣ подвергали себя, какъ правильны были ихъ упражненія. Если они могли отказывать себѣ во всемъ и такъ сдерживать себя, чтобы пріобрѣсти тлѣнную награду, то что же должны дѣлать мы, чтобы получить στέφανος ἀμαράντινος, вѣнецъ, сплетенный изъ небеснаго, никогда не увядающаго амаранта [1]). И послѣ Бога, это зависитъ отъ насъ самихъ.

«Я сознаюсь, что это стыдно, говоритъ слабый развратникъ, но не въ моихъ силахъ измѣнить это». «Силы—вздоръ», отвѣчаетъ рѣшительный негодяй. Нѣтъ.—Отъ насъ самихъ зависитъ быть тѣмъ или другимъ. Наши тѣла—сады, а садовникъ въ нихъ—наша воля. Посадимъ ли мы въ нихъ крапиву, или посѣемъ латукъ, иссопъ или тминъ,

---

[1]) I Pet V, 4: κομιεῖσθε τὸν ἀμαράντινον τῆς δόξης στέφανον.

наполнимъ ли ихъ однимъ сортомъ травы или заполнимъ множествомъ разнообразныхъ растеній; будутъ ли наши сады безплодны вслѣдствіе нашей лѣности или прилежно обработаны—во всякомъ случаѣ управленіе этими садами въ нашей волѣ. Еслибы на вѣсахъ нашей жизни не было разума, чтобы противопоставлять его чувственности — горячность нашей крови и наши низшіе инстинкты довели бы насъ до самыхъ ужасныхъ результатовъ, но у насъ есть разумъ, чтобы охлаждать наши бѣшеные порывы, наши несдержанныя похоти.

Пусть юноша никогда не говоритъ: «Увы, слишкомъ поздно, я уже закабалилъ себя и понапрасну! Я не могу выселить изъ моей порабощенной души демоновъ, которымъ я, какъ воинамъ, сдалъ крѣпость. Почти съ того времени, какъ я помню себя, даже въ то время, когда мои воспоминанія теряются въ туманѣ темнаго прошедшаго и въ хаосѣ времени, я былъ невѣренъ. Вѣнецъ упалъ съ моей головы, потому что я согрѣшилъ». Пусть всякій юноша съ негодованіемъ отвергнетъ эти уловки отчаянія. Это сѣти дьявола. Боритесь, хотя бы въ печальныя

минуты вамъ и казалось, что всѣ ваши битвы проиграны. Раскаяніе, говорятъ, младшій братъ невинности. О, какъ различны эти два брата! Старшій — невинность — свѣтелъ, силенъ, цвѣтущъ, красивъ и счастливъ; младшій—раскаяніе—блѣденъ, съ изсохшими чертами лица, опущенными глазами и трясущимися руками. Его трудная задача состоитъ въ томъ, чтобы освобождать погибшаго плѣнника изъ темницы безъ желѣзныхъ рѣшетокъ, плѣнника въ кандалахъ, тяжесть которыхъ велика, несмотря на то, что онѣ не гремятъ и невидимы. Но Богъ, могущій создавать, можетъ возсоздать и Сотворившій, можетъ исправить. Задача раскаянія въ десять разъ труднѣе задачи невинности. Въ десять разъ труднѣе отстать отъ старыхъ привычекъ, овладѣть потерянной позиціей, собрать пристыженныхъ и разбитыхъ солдатъ, участвовавшихъ въ потерянной битвѣ. Но, по благодати Божіей, раскаяніе постоянно одерживаетъ блистательнѣйшія побѣды. Пока человѣкъ живъ—онъ не погибъ; покуда есть жизнь, есть и надежда. Грѣхъ никогда не бываетъ необходимостью, даже когда онъ перешелъ въ привычку и внѣд-

рился въ характеръ. Замѣтьте, что надежда не только добродѣтель, но и благодать. «Ты утомился долготою твоего пути. Но ты не сказалъ, что надежды нѣтъ».

Развѣ св. Кипріанъ не жилъ вполнѣ свѣтской, безбожной, языческой жизнью? Въ зрѣломъ возрастѣ онъ сдѣлался святымъ и пережилъ измѣненіе характера, которое онъ считалъ невозможнымъ.

Въ дѣтствѣ бл. Августинъ былъ испорченнымъ мальчикомъ; юношество и молодость его были полны чувственныхъ наслажденій. А развѣ онъ не сталъ «новымъ созданіемъ»?

Никто не погружается въ порокъ безвозвратно. Христосъ, если вы ищете Его, если вы соберете въ себѣ всѣ ваши силы, чтобы исполнить Его волю, Христосъ можетъ возвратить вамъ зрѣніе, укрѣпить ваши парализованныя силы, можетъ очистить вашу прокаженную душу. Теперь ты грѣшникъ, связанный цѣпью твоихъ грѣховъ—Христосъ сброситъ съ тебя удушающее бремя, и ты можешь умереть святымъ человѣкомъ

«О, неужели онъ правъ, возвѣщая надежду?
Будемъ вѣрить ему, его рѣчи прекрасны.
Человѣкъ, ты не долженъ отчаянью власть отдавать.
Все простится намъ Богомъ, кромѣ унынія».

Много можно сказать объ этомъ великомъ предметѣ, но я заключу словомъ о блаженствѣ побѣды надъ самимъ собой.

Силу этой побѣды можно измѣрить сравненіемъ со стыдомъ и отчаяніемъ истерзанной, раздвоенной личности, съ тростію, колеблемой вѣтромъ [1], съ жизнью, бросающею насъ въ разныя стороны, характеромъ, составленнымъ изъ

«порывовъ благородства и мукъ стыда».

Нерѣшительные и слабые сами виноваты въ своихъ пораженіяхъ. Они сорвали яблоки Мертваго и отравились; они схватили мыльные пузыри, которые лопнули отъ ихъ прикосновенія. Старость ихъ похожа на лодку, ударившуюся о грязный берегъ во время отлива, который не возвратится для нихъ. Тѣла ихъ—темницы. Имъ кажется, что они никакъ не могутъ сбросить бремя владѣющихъ ими пороковъ. Такой чело-

---

[1]) Мате. XI, 7.

вѣкъ повсюду носитъ свое наказаніе. Куда онъ ни бѣжитъ—вездѣ адъ; онъ носитъ адъ въ самомъ себѣ. Онъ то, что сказалъ про себя человѣкъ, наученный горькимъ опытомъ:

«Господинъ себѣ—рабъ наслѣдія страданій».
Съ другой стороны, человѣкъ, достигнувшій умѣнья владѣть собой, «имѣетъ имущество лучшее и непреходящее».

Древніе списатели священнаго писанія не поняли глубины и величія этого мѣста изъ посланія къ Евреямъ (X, 34). Они придали смыслъ, хотя и вѣрный, но менѣе глубокій и оригинальный, передавъ его слѣдующимъ образомъ: «Зная, что есть у васъ на небесахъ имущество лучшее и непреходящее». Текстъ и переводъ трижды ошибочны. По настоящему значенію этотъ стихъ долженъ служить къ утѣшенію страждущихъ евреевъ во времена бѣдствій и гоненій, говоря имъ, что они должны радоваться, несмотря на все, дѣлая добрыя дѣла, научаясь (черезъ эти самыя испытанія) познавать, что они имѣютъ въ самихъ себѣ достояніе лучшее, чѣмъ всѣ земныя блага, которыхъ они лишились, и достояніе непреходящее, котораго не можетъ отнять отъ нихъ

ни земля, ни адъ. Это достояніе есть духовная, вѣчная жизнь, гдѣ сіяетъ лазурь спокойствія, котораго не могутъ омрачить никакія земныя облака. Даже язычникъ можетъ, до нѣкоторой степени, оцѣнить величіе этого чувства.

Въ одной изъ трагедій Сенеки старая прислужница указываетъ Медеи на безнадежность ея судьбы.

Abiere Colchi, conjugis nulla est fides;
Nihilque superest, opibus e tantis tibi"—

«Вашъ супругъ невѣренъ вамъ, солдаты васъ покинули, богатство ваше разсѣяно; что остается вамъ? «Медея остается мнѣ», слѣдуетъ твердый отвѣтъ. Я еще вѣрна себѣ. Кто овладѣлъ собой — стоитъ, на залитыхъ солнцемъ холмахъ, выше бурь. Судьба можетъ лишить его всѣхъ внѣшнихъ благъ, но не своего я, не своей непоколебимой воли. Дерево все еще дерево, со всей его жизненной силой, хотя буря и сорвала его листья.

«Въ старости есть своя сила, есть и печаль.
Смерть ужъ близка, но пока не насталъ нашъ конецъ.
Все же найдемъ мы работу, найдемъ благородное дѣло».

Поэтому пусть всякій юноша стремится, прежде всего, къ власти надъ собой. Безъ этого онъ будетъ несчастливъ и низокъ; при этой же власти онъ обязательно будетъ счастливъ. Безъ власти надъ собой все другое только «дары злыхъ духовъ — скрытыя проклятія». Съ нею онъ — чадо Божіе, обладатель блаженства въ этой жизни, наслѣдникъ вѣчнаго счастья въ будущей. Безсильный надъ собой, что можетъ возвратить онъ Богу, создавшему его, кромѣ «праха своего тѣла и гибели своей души». При власти надъ собой онъ достигаетъ высшаго назначенія своего существа и получаетъ жизнь вѣчную.

II.

ЖЕНЩИНЫ.

ДОЧЕРИ.

ДОЧЕРИ.

Пророкъ Наѳанъ своими трогательными словами, пробудившими спящую совѣсть царя Давида, когда она находилась подъ парализующимъ дѣйствіемъ нераскаяннаго грѣха, сказалъ: «въ одномъ городѣ были два человѣка, одинъ богатый, а другой бѣдный. У богатаго было очень много мелкаго и крупнаго скота, а у бѣднаго ничего, кромѣ одной овечки, которую онъ купилъ маленькую и выкормилъ, и она выросла у него вмѣстѣ съ дѣтьми его; отъ хлѣба его она ѣла, и изъ его чаши пила, и на груди у него спала, и была для него какъ дочь». Пророкъ, очевидно, избралъ это слово, чтобы выразить имъ самое нѣжное чувство родительской любви и привязанности.

Дочь представляетъ собою центръ домашней жизни, на нее обращено вниманіе всѣхъ окружающихъ. Это правда, что когда дѣвушка выходитъ замужъ, она переходитъ въ другой домъ; но до времени замужества она вполнѣ находится подъ вліяніемъ и на попеченіи отца и матери. Большая часть дочерей, даже и теперь, когда расширилось воспитаніе женщины, получаютъ главное нравственное и духовное воспитаніе дома. У мальчиковъ же иначе: когда онъ достигаетъ восьми- или девятилѣтняго возраста, то его отдаютъ въ школу, и поэтому дома онъ бываетъ только въ праздники; большую же часть своей жизни онъ проводитъ внѣ дома, обыкновенно онъ проводитъ внѣ родительскаго крова три четверти каждаго года. Итакъ, самыя дружескія семейныя связи могутъ поддерживаться только еженедѣльной перепиской, которая у мальчиковъ состоитъ изъ набора короткихъ фразъ.

У дѣвочекъ же мы видимъ другое; дѣвочку отдаютъ въ школу, когда она достигаетъ уже болѣе зрѣлаго возраста, и тамъ она, сравнительно съ мальчиками, проводитъ болѣе короткій срокъ. Родительскій кровъ, который можетъ

быть иногда ея единственнымъ пристанищемъ, служитъ для нея какъ бы центромъ ея нравственной, духовной и умственной жизни, и это бываетъ въ несравненно бо́льшей части случаевъ, чѣмъ мы видимъ у мальчиковъ. Родители, по опыту, высказываютъ, что школьныя письма дочерей полнѣе и любвеобильнѣе писемъ сыновей, что дочери сильнѣе привязаны къ родителямъ, совершенно подчиняя себя ихъ волѣ.

Говорятъ, что когда дочери выходятъ замужъ, онѣ болѣе удаляются отъ родителей, чѣмъ сыновья. При этомъ мы вспоминаемъ слова псалмопѣвца: «слыши, дщерь, и смотри, и приклони ухо твое и забудь народъ твой и домъ отца твоего. И возжелаетъ Царь красоты твоей, ибо Онъ Господь твой, и ты поклонись Ему» [1]. Я понимаю, или, даже почти утверждаю, что, по выходѣ замужъ, дочери гораздо меньше отдаляются отъ родителей, чѣмъ вступающія въ бракъ сыновья. Если же къ несчастію, между двумя народившимися семьями возникаютъ враждебныя отношенія, то вполнѣ понятно, что дочь,

---

[1]) Псал. XLIV, 11 и 12.

какъ бы горячо ни любила родителей, становится сторонницей мужа, а не родителей. Это подтверждается историческими фактами. Въ одиннадцатой главѣ книги пророка Даніила мы читаемъ: «дочь южнаго царя придетъ къ царю сѣверному, чтобы установить правильныя отношенія между ними». Тутъ подразумѣвается бракъ египетской принцессы Гереники, дочери царя Птоломея II (Филадельфа) съ царемъ Антіохомъ III (Ѳеофиломъ) изъ династіи Селевкидовъ; но въ этой свадьбѣ, какъ въ послѣдующей, дочери Антіоха Великаго, Клеопатры съ Птоломеемъ Епифаномъ, различные интересы двухъ принцессъ мѣшали возстановленію мира между двумя соперниками царями.

Исторія указываетъ намъ, что жены и въ политическомъ отношеніи принимаютъ сторону своихъ мужей, а не родителей. Такъ, напримѣръ, Елисавета Клейполь держала сторону роялистовъ и, какъ даже говорятъ, упрекала отца за казнь Карла I.

Къ счастью такое столкновеніе интересовъ довольно рѣдко, и бо́льшею частью замужняя дочь съ супругомъ и дѣтьми суть самые же-

ланные гости въ родительскомъ домѣ. Англійскій поэтъ Теннисонъ прекрасно выразилъ въ своемъ стихотвореніи «In Memoriam», что смерть означаетъ разлуку, а замужество дочери веселяетъ радость въ сердцахъ ея близкихъ.

И такимъ образомъ, даже когда дочери выходятъ замужъ, то онѣ все-таки остаются родителямъ такими же близкими, какими онѣ были до замужества.

Но какъ благотворна можетъ быть жизнь въ семьѣ не вышедшей замужъ дочери? Какой опорой можетъ она служить престарѣлому отцу, облегчая ему жизнь, стараясь отстранить отъ него всѣ невзгоды и тяжести жизни, лелѣя его преклонный возрастъ. Еще болѣе незамѣнимой опорой можетъ служить дочь престарѣлой матери, взявъ на себя всѣ хлопоты по хозяйству, ухаживая за ней и услаждая жизнь той, которой она всѣмъ обязана.

Особенно серьезна роль дочери въ семьѣ овдовѣвшаго отца или овдовѣвшей матери: она тутъ незамѣнима и становится центромъ всѣхъ интересовъ семьи. Мы приводимъ прекрасныя слова Беранже, которыя онъ посвятилъ на над-

гробный памятникъ не вышедшей замужъ дѣвушкѣ: «Она никогда не была матерью, однако многіе юноши, извѣдавъ ея материнскія къ нимъ ласки, благословляютъ ее». Эта эпитафія служитъ сильнымъ опроверженіемъ того ложнаго мнѣнія, что незамужней женщинѣ предстоитъ безполезная и безцѣльная жизнь. Наоборотъ, она бываетъ дорогимъ другомъ какъ своихъ родителей, такъ братьевъ, сестеръ и своихъ маленькихъ племянниковъ, въ своей семьѣ она находитъ обширное поле дѣятельности, такъ что она дѣлается незамѣнимымъ членомъ семьи.

Когда же милосердіе Божіе съ раннихъ лѣтъ обнимаетъ сердца дѣвушекъ, такъ что «разумъ и религія вмѣстѣ свиваютъ разумную и примѣрную жизнь», то какъ благотворно бываетъ вліяніе молодой дѣвушки даже въ узкой сферѣ ея домашняго круга. Ради этой дѣятельности ей нѣтъ необходимости быть ученой; совершенно достаточно природной привѣтливости, въ которой заключаются симпатія и разсудительность, что и составляетъ несказанное благословеніе семьи. Часто къ одному какому либо

члену семьи слуги питаютъ особенную привязанность. Они говорятъ: «для такой-то барышни что-нибудь сдѣлать доставляетъ величайшее удовольствіе».

Для родителей любовь такой дочери имѣетъ такое же значеніе, какъ роса для раскаленной земли. Каждая изъ ея сестеръ, благодаря ея примѣру, дѣлается умнѣе, лучше, счастливѣе. Сверхъ того, какъ она благотворно дѣйствуетъ на характеръ и благосостояніе своихъ братьевъ! Какъ исторія, такъ и беллетристика постоянно даютъ намъ доказательства неоцѣнимаго значенія преданности сестеръ. Многіе братья избирали своихъ сестеръ повѣренными своихъ тайнъ, которыхъ они не посмѣли бы повѣдать своимъ родителямъ; не мало сестеръ спасало своихъ братьевъ отъ роковыхъ послѣдствій.

Джорджъ Эліоттъ, знаменитая романистка, разсказала намъ о трогательной преданности къ своему брату, что составляло поэзію ея раннихъ лѣтъ. Она описываетъ это въ первомъ томѣ своего извѣстнаго романа: «Мельница на Флоссѣ», говоря объ этомъ:

«Какъ часто я вспоминаю о томъ времени,

когда мы росли подобно двумъ бутонамъ на одной вѣткѣ. Братъ былъ старше меня; онъ былъ маленькій мужчина въ сорокъ дюймовъ вышины; я же была куклоподобное маленькое существо, старавшаяся не отставать отъ него въ играхъ, примѣняясь къ его большимъ шагамъ... Если бы я могла опять пережить мое дѣтство, то я желала бы опять подпасть подъ тѣ условія и стать его маленькой сестрой». Она также представила намъ милую картину дочерней преданности, показавъ, какъ ея героиня Ролла любила, ласкала и заботилась о своемъ слѣпомъ отцѣ. Такіе же примѣры мы видимъ въ Елисаветѣ Барретъ - Броингъ и въ Аделаидѣ Проктеръ. Послѣдняя въ своей поэмѣ «Берта» рисуетъ намъ очень трогательную картину дѣвушки, отказавшейся отъ своего счастья ради брата, который никогда не признавалъ, что онъ обязанъ сестрѣ, и предоставилъ ей одинокую, безотрадную жизнь, влюбившись въ одну дѣвушку, съ которой онъ случайно познакомился.

Въ исторіи научныхъ изслѣдованій сохранился разсказъ о Каролинѣ Гершель, которая

трудилась въ продолженіе многихъ лѣтъ, помогая въ работѣ своему знаменитому брату Вилліаму Гершелю. Она служила ему, когда онъ полировалъ зеркала, чтобы потомъ, посредствомъ ихъ, производить изслѣдованія; изъ ея словъ мы видимъ, что онъ, работая забывалъ о пищѣ, и она изъ своихъ рукъ кормила его. Въ декабрѣ 1783 года она всецѣло помогала брату въ его трудной работѣ; ея присутствіе при его работѣ стало неизбѣжнымъ, она обыкновенно работала съ нимъ до разсвѣта. Она не только слѣдила за его часами и записывала замѣчанія объ изслѣдованіяхъ, но дѣлала всѣ вычисленія для его работъ. Между 1785 и 1797 годами она открыла семь кометъ; пять изъ этихъ открытій, безспорно, принадлежатъ ей. Она замѣчательна своей безкорыстной преданностью; г-жа Д'Арбле, жившая съ ней въ одно время, даетъ слѣдующее описаніе о ней: «она была очень мала ростомъ, очень кротка, скромна и умна».

Нѣтъ ничего болѣе поражающаго насъ въ лѣтописяхъ исторіи, какъ разсказы о неблагодарныхъ дочеряхъ. Къ счастью подобныхъ примѣровъ не много. Мы отмѣтимъ изъ нихъ два

наиболѣе печальныхъ примѣра, это—отношеніе Маріи и Анны, двухъ старшихъ дочерей Мильтона, къ нему. Третья дочь, Девора была лучше своихъ жестокосердыхъ сестеръ, она и послѣ смерти своего отца говорила о немъ съ благоговѣніемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ злополучныхъ обстоятельствахъ, которыми была полна жизнь этой семьи, не малую роль играла наслѣдственность.

Изъ исторіи извѣстно, что миссъ Пауэль, первая жена Мильтона, была дочерью грубаго разорившагося человѣка. Сдѣлать выборъ хуже этого, т.-е. поставить миссъ Пауэль хозяйкой и главой надъ строгой пуританской семьей—нельзя было. Существуютъ доказательства о ея обращеніи, болѣе ужасномъ, чѣмъ можно себѣ предположить. И хотя, благодаря своему безграничному великодушію, онъ простилъ ей и принялъ ее обратно въ семью и даже далъ пристанище ея подвергшимся опасности и разореннымъ родственникамъ, трудно повѣрить, что его союзъ съ нею далъ ему хоть каплю счастья. Ея дочери, кажется, походили на нее. Безъ

сомнѣнія, Мильтонъ самъ виноватъ, что мало заботился объ умственномъ развитіи своихъ двухъ дочерей. Его идеалъ женщины несравнененъ, что мы и видимъ изъ его описанія Евы («Потерянный Рай»).

«Во взорахъ ихъ отражался божественный образъ Творца ихъ, правда и мудрость и чистая святость (проявляющаяся въ ихъ сыновней свободѣ), въ чемъ заключается истинное величіе человѣка. Однако, оба они не были совершенно одинаковыми, какъ были различны и по наружному устройству».

«Въ образѣ одного отражалась сила и глубокомысліе, въ образѣ другой—нѣжность и сладкая любовь. Казалось, онъ одинъ былъ богъ; однако, въ немъ и она находила свое отраженіе. Возвышенное чело и выспренній взглядъ говорили о его владычественной силѣ; гіацинтовыя кудри, раздѣленныя спереди, спускались густыми прядями до плечъ. У нея золотистые волосы въ видѣ покрывала своенравными кольцами спускаются до бедръ: такъ молодые побѣги льнутъ къ виноградной лозѣ и вьются вокругъ нея. Все существо ея говорило о под-

чиненіи, но о такомъ подчиненіи, которое съ одной стороны требуется съ кротостью, а съ другой предлагается съ любовію и безъ горделивой притязательности».

Мильтонъ обожалъ свою вторую жену, и въ сонетѣ, который онъ посвятилъ ей, похищенной преждевременною смертью, слышатся рыданія. Когда онъ достигъ престарѣлаго возраста, ослѣпъ и не могъ обходиться безъ посторонней помощи, то его другъ, докторъ Погеръ, избралъ ему третью жену.

Послѣдняя, Елисавета Мишуль, бывшая много моложе его, имѣла кроткій характеръ. Въ своемъ послѣднемъ разговорѣ съ братомъ Христофоромъ Мильтонъ говорилъ о ней, какъ о любящей женѣ. Но для нея не было возможности жить съ дочерьми Мильтона и его первой жены. Она разумно совѣтовала Мильтону послать всѣхъ трехъ учиться какому-нибудь рукодѣлію, напримѣръ, вышивать золотомъ и серебромъ. Служанка, свидѣтельствовавшая о Мильтонѣ, говоритъ намъ, что когда второй его дочери, Маріи, сказали о свадьбѣ ея отца, она отвѣтила, что это не новость, но когда она услышитъ о

его смерти, то это будетъ болѣе или менѣе нѣчто. Трудно простить ихъ ужасную, нечеловѣческую ненависть къ отцу, который, благодаря этому, глубоко страдалъ. Худшимъ было то, что онѣ были виновны въ незначительныхъ кражахъ, обманывали его и продавали его книги, заставляя его претерпѣвать болѣе сильное страданіе, чѣмъ то, которое ему причиняла слѣпота. По завѣщанію онъ оставилъ имъ только то, что принесла въ приданое ихъ мать, потому что онѣ были очень непочтительны къ нему. Своему брату онъ часто говорилъ: «мои дѣти были жестоки со мной, но моя третья жена была очень заботлива и добра ко мнѣ. Можно немного смягчить, но не извинить ихъ, зная, что онѣ должны были читать ему вслухъ сочиненія на восьми языкахъ, изъ которыхъ онѣ ни одного не понимали, потому что онъ былъ такого мнѣнія, что женщинѣ достаточно знать одинъ языкъ, благодаря ихъ наклонности къ болтовнѣ. Безъ сомнѣнія, онѣ не находили удовлетворенія въ томъ образѣ жизни, какой вели, окруженныя книгами, которыя внушали имъ только ненависть.

Горечь, которую доставляла Мильтону жизнь, по мнѣнію многихъ, слышится въ стихахъ его поэмы «Потерянный рай». Но я хочу привести въ заключеніе примѣръ дочери, имя которой свѣтится на страницахъ исторіи, какъ высшій примѣръ дочерней преданности; это— Маргарита Роперъ, любимая дочь Ѳомы Моруса.

Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что развитіе умственныхъ способностей дѣтей умаляетъ въ нихъ привязанность къ родителямъ. Исторія, однако, фактами этого не подтверждаетъ. Маргарита Роперъ представляетъ собою видимое доказательство опроверженія этого. Она, лучшая и любимая изъ дочерей, была одной изъ ученѣйшихъ женщинъ своего времени. Она такъ прекрасно писала на латинскомъ языкѣ, что приводила въ восхищеніе такого знатока, какъ кардинала Поля. Она написала по латыни трактатъ «О четырехъ важнѣйшихъ причинахъ». Отецъ ея, написавшій такой же трактатъ на англійскомъ языкѣ, ставилъ по достоинству свой трудъ ниже ея. Она могла разсуждать со своимъ отцомъ объ очень серьезныхъ богословскихъ и политическихъ вопросахъ.

Другимъ замѣчательнымъ доказательствомъ, что ученость не мѣшаетъ проявленію любви, служитъ леди Дженъ Грей.

Она до такой степени была предана ученію еще въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ, что, по словамъ ея учителя, Рожера Ашема, она предпочитала играмъ и развлеченіемъ изученіе сочиненій Платона. Однако, она была примѣромъ послушанія родителямъ и преданности мужу, несмотря на то, что родители, по примѣру того времени, въ системѣ воспитанія обращались съ нею очень сурово.

Историкъ Фуллеръ говоритъ, что ея родители, герцогъ и герцогиня Суффолькскіе, обращались съ этимъ милымъ ребенкомъ очень сурово, чего не требовалъ ея кроткій нравъ; она тринадцати лѣтъ писала по-гречески сочиненія, а въ пятнадцать лѣтъ изучила еврейскій, латинскій, итальянскій и французскій языки, переписывалась съ ученымъ Бюллингеномъ, но въ то же время знала въ совершенствѣ различныя рукодѣлія и выказывала талантъ къ изящнымъ искусствамъ.

Тутъ мы приводимъ примѣръ изъ книги

Рожера Ашема «Школьный учитель»—ея собственный разсказъ, какъ съ нею обращались ея родители. «Когда я нахожусь въ обществѣ отца или матери,—говорю ли я или молчу, стою, сижу или хожу, ѣмъ или пью, радуюсь или печалюсь, шью ли, играю или танцую, или дѣлаю что-нибудь другое, словомъ, все, чтобы я ни дѣлала, я должна была соблюдать вѣсъ, мѣру и число, даже въ такомъ совершенствѣ, какъ Господь творилъ міръ; если же я не такъ поступала, то меня рѣзко упрекали, жестоко обращались, даже, подчасъ, сыпались щипки и удары и даже другія тѣлесныя наказанія, которыя я не упомяну, по чувству уваженія къ моимъ родителямъ. Это такъ тяжело, что иногда мнѣ кажется, что я въ аду».

Но вернемся опять къ Маргаритѣ Роперъ и приведемъ прекрасныя мѣста описаній ея отношенія къ отцу: «Когда Ѳома Морусъ пробылъ больше мѣсяца въ тюрьмѣ, его дочь, Маргарита, чувствуя сильную тоску по отцѣ, послѣ долгихъ усердныхъ стараній добилась, наконецъ, горячо желаннаго свиданія съ отцомъ; сперва они помолились, а затѣмъ отецъ обра-

тился къ ней: «вѣроятно, Маргарита, люди, посадившіе меня въ тюрьму, думали, что сдѣлали мнѣ большую непріятность, но я увѣряю тебя, моя дорогая дочь, что если бы я не считалъ для себя долгомъ заботиться о моей женѣ и моихъ дѣтяхъ, что я считаю моей главной обязанностью въ жизни, то я бы по собственному желанію давно удалился въ подобную темницу или въ темницу еще тѣснѣе этой».

Затѣмъ приводимъ описаніе правнука Кресакра Моръ «прощаніе отца съ дочерью».

Когда Ѳому Моруса привели къ пристани близъ лондонской тюрьмы, то его горячо любимая дочь, моя тетка, Маргарита Роперъ, страстно желая видѣть его, бросилась ему на встрѣчу; упавъ передъ нимъ на колѣни и получивъ отъ него благословеніе, она встала и обняла его. Не думая о себѣ, расталкивала народъ и стражу, окружавшую его съ алебардами и пиками, обнимала и цѣловала его на глазахъ всѣхъ, не будучи въ состояніи отъ волненія ничего вымолвить кромѣ: «о мой отецъ! о, мой отецъ!»

Его очень тронула ея безграничная любовь

къ нему, и, благословляя ее, онъ говорилъ, что все, что онъ терпѣлъ, хотя и не виноватъ ни въ чемъ, происходило не безъ воли Господа, совѣтуя ей вполнѣ подчинить себя Ему и относиться терпѣливо къ своей потерѣ отца земного. Послѣ этого она должна была разстаться съ отцомъ, но не успѣла она отойти отъ него шаговъ на десять, какъ отчаяніе, что она теряетъ дорогое существо, снова заставило ее вернуться въ объятія отца, и, несмотря на громадную толпу народа, которая какъ стѣной отдѣляла и удаляла горячо любящую дочь отъ своего родителя, она пробилась къ нему, обняла его голову и осыпала ее поцѣлуями. Онъ не проронилъ ни одного слова и казался какъ бы успокоеннымъ, но струившіяся изъ глазъ слезы выдавали его; немногіе могли удержаться отъ рыданій;.... наконецъ ее силой вырвали изъ объятій отца и удалили».

Наканунѣ казни Ѳома Морусъ написалъ дочери углемъ письмо: (ему было запрещено давать какъ чернила, такъ и перо); въ этомъ прощальномъ письмѣ онъ излилъ все свое горячее чувство къ семьѣ и благодарилъ дочь за

ея безграничную любовь къ нему и оставилъ ей свою власяницу.

Кто знаетъ, какъ глубоки и горячи благословенія и вознагражденія счастливой христіанской семейной жизни, кто дышалъ воздухомъ этого рая, тому грустно читать, что современная эмансипація женщинъ, прошедшая массу разнообразныхъ фазисовъ, перешла въ новый, названный прессой «возмущеніемъ дочерей противъ родительской власти».

Я допускаю много роковыхъ ошибокъ въ дѣлѣ воспитанія родителями какъ дочерей, такъ и сыновей. Я допускаю, что дочери женщинъ, вполнѣ отдающихъ себя свѣтскимъ развлеченіямъ, благодаря чему страдаютъ родительскія обязанности, пренебрегаемыя ими, что такія матери убѣдились, что ихъ стремленія, по меньшей мѣрѣ, благороднѣе и возвышеннѣе стремленій тѣхъ матерей, которыя выдаютъ своихъ дочерей за стариковъ,—подъ условіемъ, чтобы это были титулованные и богатые люди,—и, такимъ образомъ, торгуютъ счастіемъ своихъ дочерей. Я допускаю, что многія матери дѣлаютъ такія же ошибки по отношенію къ своимъ до-

черямъ, какія ошибки дѣлаютъ отцы по отношенію къ своимъ сыновьямъ, предполагая, что ихъ дѣти должны раздѣлять ихъ вкусы, взгляды и требованія. Каждая человѣческая душа представляетъ собою островъ, окруженный неприступнымъ моремъ. И ни въ какомъ случаѣ нельзя думать, что въ ребенкѣ непремѣнно должны отражаться характеры и вкусы родителей. По закону атавизма, въ ребенкѣ можетъ всплыть какой-нибудь отдаленный типъ изъ его предковъ, и, во всякомъ случаѣ, наши дѣти, подобно другимъ человѣческимъ существамъ, какъ сказалъ нѣкто, представляютъ собою какъ бы крайніе пункты безчисленныхъ мужской и женской линій своихъ предковъ со временъ Адама и Евы.

Римскій императоръ Коммодъ, образецъ грубости и вульгарности—сынъ кроткаго Марка Аврелія, цвѣтка языческой нравственности. Агриппина младшая, имя которой связано съ безнравственностью, была дочерью добродѣтельной Германики, которая служила образцомъ нравственности въ современное ей развращенное жестокое время.

Если въ нашемъ обществѣ замѣчается возмущеніе дочерей, чего я не допускаю, то причиной этого можетъ быть какой-либо растлѣвающій зародышъ нашей современной цивилизаціи. Это возмущеніе не можетъ имѣть мѣста, когда родители разумны и любящи и когда они, вмѣсто тягостныхъ и стѣснительныхъ мѣръ надъ дѣтьми, установятъ твердый и разумный контроль, основанный на снисходительности и любви къ своимъ дѣтямъ.

ЖЕНЫ.

ЖЕНЫ.

Въ наше время много говорятъ о нравахъ женщины и ея вліяніи. Христіанство дало женщинѣ обширную сферу вліянія, если она обладаетъ дарами благоразумно пользоваться этимъ. Конфуцій мѣтко сказалъ: «если домашнія обязанности хорошо исполняются, то нечего далеко ходить для жертвоприношенія». Можетъ быть многія эмансипированныя женщины прочтутъ это замѣчаніе съ насмѣшкой, но я не только далекъ отъ взгляда, что домашнія обязанности женщины представляютъ слишкомъ ограниченное поле для дѣятельности, но считаю, что эти обязанности, по своей обширности, одинаковы съ полемъ дѣятельности всего человѣ-

чества. Дѣйствительно, женщина можетъ глубоко заинтересоваться въ своемъ стремленіи къ расширенію горизонта мышленія и, однако, не смотрѣть съ презрѣніемъ на свои домашнія обязанности. Ея обязанности, несомнѣнно. начинаются съ семьи, и если ими обыкновенно, пренебрегаютъ, то всѣ усилія къ расширенію поля дѣятельности безплодны.

Женщина можетъ быть глубоко ученой, она можетъ вполнѣ отдаваться вѣрѣ, быть истинной филантропкой и, однако, остаться совершенной женой.

Если выдающійся современный примѣръ нуженъ для подтвержденія, что женщина, обладающая обширнѣйшими познаніями, какъ мужчина, въ то же время въ совершенствѣ исполняла свои домашнія обязанности, то этимъ примѣромъ намъ можетъ служить хорошо знакомая жизнь Мери Соммервилль. Ея научныя изслѣдованія были такъ блестящи, что журналъ «Edinburg Review» ея первый трактатъ назвалъ «однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ сочиненій, которыя когда-либо и гдѣ-либо написала женщина». Даже на восемьдесять девятомъ году

своей жизни она рѣшала трудныя математическія задачи; однако мужъ и дѣти ея съ восторгомъ свидѣтельствовали о безукоризненно—строгомъ выполненіи ею своихъ обязанностей, которыя выпадаютъ на долю каждой женщины.

Иногда предполагали, что, когда кто-либо углубляется въ религію, «тотъ менѣе внимателенъ къ исполненію требованій обыденной жизни. Но примѣръ святой Франциски опровергаетъ это мнѣніе. Она была римлянка знатнаго происхожденія, родившаяся въ 1384 году, а чрезъ двѣнадцать лѣтъ вышла замужъ за знаменитаго римлянина Лаврентія Понцани. «Ея послушаніе и снисходительность къ мужу, говоритъ Альбанъ Бутлеръ, были неподражаемы; это завоевало ей такую любовь со стороны мужа, что въ продолженіе сорока лѣтъ совмѣстной жизни никогда они не выражали другъ на друга ни малѣйшаго неудовольствія, и вся ихъ жизнь была безпрерывнымъ взаимнымъ угожденіемъ и уваженіемъ. Она говорила: замужняя женщина обязана, если это заставляетъ необходимость, на время прервать свои обязанности у алтаря и заняться хозяйствомъ». Изъ прекрасныхъ разсказовъ о ней мы

знаемъ о ея убѣжденіи, что отправленіе религіозныхъ обязанностей не должно препятствовать исполненію домашнихъ обязанностей, ради благосостоянія мужа и дѣтей. Ея повседневной привычкой было проводить одинъ изъ раннихъ часовъ дня въ молитвѣ и изученіи св. писанія.

Однажды она присѣла за свое обычное занятіе, но ея вниманіе отвлекли отъ этого какія-то хозяйственныя дѣла. Помня правило: «дѣлай сперва то, что тебя ближе касается, и старайся пожертвовать всякому своимъ личнымъ интересомъ, если этого требуетъ долгъ», она встала, исполнила, что слѣдовало, и вернулась къ чтенію. Но только что успѣла она сѣсть за чтеніе, какъ ее опять прервали. Опять она совершенно покойно встала, съ полнымъ вниманіемъ отдалась исполненію хозяйственныхъ обязанностей и вернулась къ чтенію Библіи. Но прежде чѣмъ она начала читать, ее опять позвали, и она опять исполнила свою обязанность. Это случилось семь разъ послѣдовательно, однако она не откладывала своей обязанности, не ворчала, не выражала ни малѣйшей раздражительности. Когда она послѣ седьмого перерыва усѣлась за перво-

начальное занятіе и начала читать псаломъ, на которомъ остановилась, то увидала, что ангелы въ знакъ ея безпредѣльной вѣрности написали стихи псалма золотыми буквами. Въ 1443 году она основала женскій орденъ.

На филантропію, не знаю почему, смотрѣли, какъ на нѣчто роковое для обязанностей женщины. Диккенсъ, видимо, особенно не любилъ филантропокъ—дамъ и далъ намъ нѣсколько каррикатуръ, описавъ хозяйство мистрисъ Желеби, вся энергія которой была направлена къ обученію жителей острова Борріобулаги искусству точенія фортепіанныхъ ножекъ. Однако нѣкоторыя изъ этихъ женщинъ, которыя, благодаря своимъ добрымъ дѣламъ, сдѣлались безсмертными, не были дѣвственницами, подобно св. Екатеринѣ Сіенской или св. Терезѣ Авильской, но были замужними женщинами, которыя никогда не допускали, чтобы дѣла благотворительности препятствовали имъ исполнять домашнія обязанности.

Примѣромъ намъ можетъ служить св. Елисавета Венгерская, жена Людовика, ландграфа Тюрингенскаго. Она жила во время дурного,

односторонняго правленія Конрада Марбургскаго, который былъ извѣстенъ своими фанатическими религіозными воззрѣніями и стремился ввести инквизицію въ Германіи; однако въ продолженіе всей первой поры ея замужества, прежде, нежели его ложныя понятія о святости втолкнули ее въ неестественное самоотреченіе ея позднѣйшихъ годовъ, она была преданнымъ и любящимъ сотоварищемъ своему благородному мужу. О ея жизни существуетъ множество легендъ, которыя служатъ доказательствомъ, что она всегда добросовѣстно относилась къ исполненію домашнихъ обязанностей. Такимъ образомъ разсказываютъ, что однажды, когда она раздражила мужа, отказавшись отъ лакомствъ и питаясь только хлѣбомъ и водою, и когда онъ захотѣлъ попробовать ихъ, эти хлѣбъ и вода внезапно обратились въ дорогое яство и изысканнѣйшее вино. Далѣе, еще разсказываютъ о ней, что она изъ состраданія положила больного проказой въ постель своего мужа, чѣмъ очень разсердила послѣдняго, тогда больной моментально исчезъ. Объясняютъ это чудо тѣмъ,

что къ ней являлся Самъ Спаситель. Св. Елисавета умерла въ 1231 году.

Мы остановимся на этомъ и упомянемъ о высшей практической мудрости Франциска Ассизскаго. Хотя онъ былъ того мнѣнія, что для тѣхъ, которые чувствовали особенное призваніе къ монашеской жизни, лучше послѣдовать примѣру св. Клары, которая ради монастырской кельи покинула міръ, однако, онъ основалъ орденъ Терціарійцевъ (францисканскій орденъ), чтобы дать возможность свѣтскимъ людямъ обоего пола, подчинившимъ себя нѣкоторымъ правиламъ францисканцевъ, примѣнять и въ своей жизни правила религіи, не нарушая этимъ обычнаго строя своей семейной, мірской жизни.

Такъ какъ примѣръ жизни св. Елисаветы не совсѣмъ примѣнимъ къ современнымъ намъ условіямъ, потому что она жила очень давно, то мы приведемъ примѣръ изъ современнаго намъ столѣтія.

Въ 1830 году одна молодая дѣвушка, выйдя замужъ за офицера индѣйской арміи, м-ра Чизгольмъ, 20 лѣтъ отъ роду, сопровождала всюду своего мужа, служа нравственной опорой ему,

раздѣляла съ нимъ всѣ превратности его жизни. Во время своего пребыванія въ Индіи она основала школу для дѣтей сиротъ британскихъ солдатъ, а когда болѣзнь капитана Чизгольма, принудила его покинуть Индію, она сопровождала его въ Сидней, гдѣ, благодаря своей безграничной любви, совершенно отдалась тысячамъ эмигрантовъ и спасла массу нуждающихся дѣвушекъ отъ несчастія и паденія.

Она никогда не находила, что ея домашнія обязанности сталкиваются съ ея служеніемъ нуждѣ, такъ что она вполнѣ заслужила благородныя слова, воспѣтыя въ честь ея поэтомъ Вальтеромъ Ладоромъ, гдѣ онъ говоритъ о ея жизни, полной безпредѣльной любви къ ближнему.

«Рѣдкая жизнь можетъ сравниться съ твоей, полною служенія ближнему. Преступленія бѣгутъ отъ очей твоихъ, и австралійскіе берега, очищенные тобою, не стали служить больше сборищемъ сорной травы, т.-е. бѣжавшихъ отъ кары за свои преступленія».

Вотъ еще примѣръ въ лицѣ Елисаветы Фрей. Въ 1800 году, двацати лѣтъ, она вышла замужъ

и потомъ стала матерью большой семьи. Ея работа въ Ньюгетѣ вызвала у Сиднея Смита восторженныя слезы, и онъ сказалъ: «видѣть ее среди несчастныхъ тюремныхъ, молящихся Господу, ободренныхъ ея ласковымъ взглядомъ, оживленныхъ ея голосомъ, цѣпляющихся за ея платье, обожающихъ ее, какъ единственное къ нимъ съ любовью относящееся существо, учащее ихъ и говорящее имъ о Господѣ,—это потрясающая картина. Однако эти работники, которыми Англія справедливо гордится, не сдѣлали ее ни въ какомъ отношеніи менѣе нѣжной матерью и менѣе преданной женой.

Многіе держатся того мнѣнія, что ученыя женщины бываютъ равнодушными (холодными, безпристрастными) женами, непригодными къ семейной жизни. Однако, я думаю, что это мнѣніе ни на чемъ не основывается. Мы всѣ знаемъ, что, согласно съ мистрисъ Карлейль, должно избѣгать писателей мужей. Она предостерегаетъ молодыхъ дѣвушекъ отъ брака съ писателями. Съ другой стороны мы слышали о жалобахъ капитана Гиманса, мужа знаменитой поэтессы, который говорилъ, что ему, какъ мужу знамени-

тости, приходится носить сорочки безъ пуговицъ. Вѣроятно, онъ болѣе виноватъ въ этомъ, чѣмъ она. Однако, тогда же совершился счастливый бракъ первоклассныхъ поэта и поэтессы, Роберта Браунинга и его жены Елисаветы. Послѣ ея смерти онъ написалъ стихи, въ которыхъ изложилъ всю свою горечь и тяжелую утрату. Эти стихи полны трогательной и горячей любви къ его покойной женѣ. Онъ самъ не могъ читать ихъ безъ сильнаго волненія. Можетъ быть, ни одинъ поэтъ въ мірѣ не разъяснилъ намъ такъ глубоко идеалъ женщины какъ жены, какъ это сдѣлалъ Робертъ Браунингъ. Онъ, повидимому, съ большимъ интересомъ очень глубоко изучилъ супружескія отношенія; это значеніе человѣческой жизни и души проявляется во всѣхъ его сочиненіяхъ. Въ его поэмахъ мы можемъ прослѣдить страстные зачатки любви (въ его поэмѣ: «Blot on the Seutcheon»), любовь, угасавшую благодаря проявленію низменныхъ страстей (Fifine at the Fair), ссоры мужа и жены, кончившіяся миромъ. Послѣдняя поэма (A Woman's Last Word) полна глубокаго лиризма. «Прекратимъ, дорогая, наши ссоры, не бу-

демъ больше плакать. Пусть все будетъ по старому. Будь хорошей и люби меня». «Будь добрымъ мужемъ и охраняй меня отъ всего дурного». «Научи меня, моя дорогая, чѣмъ я могу заслужить твою любовь; я хочу, дорогая моя, говорить твоимъ языкомъ, мыслить твоими мыслями. Я желаю, чтобы насъ соединяли какъ плотскія, такъ и духовныя узы».

Никто кромѣ его не выяснилъ тѣ мелочи, которыя незримыми для насъ градаціями превращаются въ горячую любовь или, наоборотъ, въ ненависть. Объ этомъ онъ говоритъ въ своемъ стихотвореніи «A'Lover's Quarrel». (Ссора влюбленнаго): «Дорогая, три мѣсяца тому назадъ мы другъ друга пламенно любили, но внезапно стрѣла съ лука дьявола попала въ наше потухающее пламя, и два друга превратились въ недруговъ.

Его стихотвореніе «Спустя годъ», какъ много и его другихъ стихотвореній, полно невыразимаго паѳоса, который окружаетъ человѣческую жизнь, когда огни ада зажжены надъ сердцемъ.

«Никогда, никогда больше не увижу я его

такимъ, какимъ онъ былъ прежде. Никогда не вернуть мнѣ больше его прежнихъ чувствъ. Молча обманываемъ мы другъ друга. Сказала ли я что-нибудь, сдѣлала ли что, что бы его раздражило? Не понравился ли ему мой взглядъ или манера? Странно, что все это когда-то зародило въ немъ любовь, а теперь охлаждаетъ».

Насъ, можетъ быть, очень многому научитъ по поводу женскаго вопроса поэма Браунинга «Woman as wife (женщина какъ жена), но это не должно дѣлать насъ несправедливыми по отношенію къ Теннисону. Ему болѣе, чѣмъ кому-либо другому, мы обязаны распространеніемъ высшаго образованія среди женщинъ. Несмотря на то, что его поэма «Принцесса» написана въ легкой формѣ, она послужила серьезнымъ толчкомъ для поступленія женщинъ въ университеты, гдѣ женщины теперь нерѣдко получаютъ ученыя степени. И никто не нарисовалъ болѣе благороднаго идеала замужней жизни, какъ онъ.

Мы не должны отнестись поверхностно къ тому факту, что, если въ безчисленныхъ случаяхъ вліяніе женщины дѣйствуетъ облагоражи-

вающе, то въ иныхъ случаяхъ (и это служитъ важнымъ предостереженіемъ) вліяніе женщины можетъ быть чрезвычайно пагубно. Послѣднее рисуетъ намъ въ ужасной картинѣ въ своемъ романѣ «Middlemarch» извѣстная романистка Джорджъ Эллiотъ. Педантизмъ и эгоизмъ мистера Казобока не могли сдвинуть его жены Доротеи съ ея нравственной высоты, напротивъ какъ Розамунда Ванси является отравляющимъ элементомъ въ жизни ея мужа, благодаря своей лжи, своему узкомыслію и своей слабой миловидности.

Когда умеръ м-ръ Лидгэтъ, ему не было еще пятидесяти лѣтъ... Онъ всегда смотрѣлъ на себя какъ на неудачника; онъ глубоко страдалъ, что не выполнилъ своей сокровенной жизненной задачи. Его знакомые завидовали его счастью, расхваливали его красивую жену и вполнѣ были увѣрены въ его семейномъ счастьѣ. Розамунда, его жена, ничего не совершила, чѣмъ бы запятнала имя своего мужа и свое. Она продолжала быть невозмутимой и непреклонной въ своихъ сужденіяхъ и читала нотаціи своему мужу... Къ концу жизни Лидгэтъ часто говорилъ о своей

напрасно загубленной и безполезно проведенной жизни. Однажды онъ назвалъ свою жену базиликой, и когда она попросила объяснить ей это названіе, онъ сказалъ, что это было растеніе, которое прекрасно расцвѣтало на мозгу умерщвленнаго человѣка. На это Розамунда спокойно отвѣтила: «зачѣмъ ты избралъ меня своей подругой жизни»?

Причину дурного вліянія нѣкоторыхъ женщинъ можно приписать ихъ ложно направленнымъ хорошимъ качествамъ. Вошло въ пословицу, что британская мать семейства, подобно пророку Аввакуму, на все способна. Если это такъ, то это потому, что ея любовь къ мужу, къ семьѣ такъ заняло ее всю, что ей нѣтъ дѣла ни до чего иного.

Таково роковое стремленіе узкаго и исключительнаго служенія.

Такимъ образомъ женщина не сосредоточиваетъ эгоизма на себѣ, но распространяетъ его на своего мужа и дѣтей. Ради нихъ она можетъ совершить несправедливости; ради нихъ она будетъ скаредничать. Но этотъ эгоизмъ не лучше себялюбиваго эгоизма. Безъ всякаго сомнѣнія

этотъ эгоизмъ встрѣчается довольно часто, и потому слова Александра де Токвиля полны предостереженій. «Въ политикѣ, говоритъ онъ, какъ и во всемъ мы обязаны прививать опредѣленныя чувства. Я, напр., не говорю, чтобы духовенство развивало у своихъ прихожанъ республиканскія и роялистическія чувства, но, по моему, желательно чаще говорить имъ о тѣхъ узахъ, которые присоединяютъ ихъ къ великому человѣческому обществу, гдѣ Господь указалъ имъ мѣсто; духовенство должно стремиться проникать въ души своей паствы и какъ можно чаще внушать своимъ духовнымъ чадамъ, что каждый изъ нихъ принадлежитъ прежде всего человѣчеству, а не самому себѣ»...

Вотъ что, по моему, желательно проповѣдывать мужчинамъ, а еще болѣе женщинамъ. Въ продолженіе моей опытности, которую я пріобрѣлъ во время моей службы, ничто болѣе не поражало меня, какъ вліяніе женщины, когда это касалось вопроса распространенія человѣколюбія. Я, не преувеличивая, говорю, что онѣ даютъ всякой націи нравственный темпераментъ, который опять вліяетъ на политику. Сотни разъ

я видѣлъ слабохарактерныхъ мужчинъ, становившихся выдающимися политическими дѣятелями, и все это лишь благодаря тому, что ими руководили женщины, не только давая имъ совѣты, но укрѣпляя ихъ убѣжденія и направляя ихъ честолюбіе на истинный путь.

Къ моему прискорбію, долженъ сознаться, что чаще я видѣлъ, какъ семейныя условія совершенно измѣняли по природѣ благороднаго, великодушнаго человѣка въ труса, въ человѣка, готоваго отказаться ради мірскихъ почестей отъ своихъ убѣжденій,—въ эгоиста, думавшаго настолько объ общественныхъ дѣлахъ, насколько они могли служить ему средствомъ обезпечить самого себя; и все это происходило только потому, что эти люди ежедневно сталкивались съ хорошо воспитанными женщинами, вѣрными женами, прекрасными матерями, но которыя не имѣли понятія объ общественномъ долгѣ мужчинъ по отношенію ко всему человѣчеству.

О такомъ же вліяніи упоминаетъ Браунингъ въ своей поэмѣ «Андреа дель Сарто». Главныя черты этой поэмы основаны на историческихъ данныхъ.

Андреа дель Сарто назывался «безукоризненнымъ художникомъ». Онъ былъ такъ талантливъ, что даже могъ исправлять ошибки Рафаэля. Благодаря его таланту, его можно поставить почти на ряду съ знаменитыми Рафаэлемъ и Микель Анджело. Но Рафаэль и Микель Анджело были не женаты, а онъ женился на гордой и корыстолюбивой красавицѣ Лукреціи Феде, которая не только не любила его, но не сочувствовала его работѣ и не цѣнила его таланта; единственная ея забота заключалась въ томъ, чтобы какъ можно больше получить отъ мужа денегъ на покупку нарядовъ и драгоцѣнностей. Его пригласили ко двору короля Франциска I-го, который его поощрялъ, такъ что дель Сарте могъ мечтать о достиженіи славы въ искусствѣ. Король Францискъ ему однажды далъ сумму денегъ на покупку картинъ въ Италіи, но, по настоянію своей жены, Андреа дель Сарте удержалъ эти деньги и купилъ себѣ домъ. Благодаря этому поступку, онъ опозорилъ свое имя, и отъ него всѣ отшатнулись съ презрѣніемъ. Онъ понялъ, что все для него потеряно, и что всему причиной его жена, которую

онъ все-таки обожалъ за ея красоту, несмотря на то, что она его ввергла въ нищету и позоръ. Онъ увѣковѣчилъ себя, изобразивъ себя на полотнѣ со страданіями и разочарованіемъ на лицѣ рядомъ со своей цвѣтущей красавицей женой.

Поэтъ Браунингъ объясняетъ намъ значеніе этой картины слѣдующимъ образомъ: «О, еслибы ты владѣла такой же прекрасной душой, какъ прекрасны твои глаза и черты лица. Существуютъ же женщины, прекрасныя душой и тѣломъ. Въ томъ случаѣ ты сказала бы мнѣ: Господь ведетъ тебя къ славѣ! Никогда не гонись за наживой. Что настоящее въ сравненіи съ будущимъ! Живи ради славы, какъ Микель Анджело. Рафаэль ждетъ тебя, всѣ трое вознесетесь къ Господу».

Соломонъ далъ намъ прекрасный типъ добродѣтельной женщины у домашняго очага въ послѣдней главѣ книги Притчъ: «Кто найдетъ добродѣтельную жену? Цѣна ея выше жемчуговъ; увѣрено въ ней сердце мужа ея, и онъ не останется безъ прибытка; она воздаетъ ему добромъ, а не зломъ, во всѣ дни жизни своей. Добываетъ шерсть и ленъ и съ охотою работаетъ своими руками. Она, какъ купеческіе корабли, издалека

добываетъ хлѣбъ свой. Она встаетъ еще ночью и раздаетъ пищу въ домѣ своемъ и должную работу служанкамъ своимъ. Задумаетъ она о полѣ, и пріобрѣтаетъ его; отъ плодовъ рукъ своихъ насаждаетъ виноградникъ. Препоясываетъ силою чресла свои и укрѣпляетъ мышцы свои. Она чувствуетъ, что занятіе ея хорошо, и свѣтильникъ ея не гаснетъ и ночью. Протягиваетъ руки свои къ прялкѣ, и персты ея берутся за веретено. Длань свою она открываетъ бѣдному, и руку свою подаетъ нуждающемуся. Не боится стужи для семьи своей, потому что вся семья ея одѣта въ двойныя одежды. Она дѣлаетъ себѣ ковры, виссонъ и пурпуръ—одежда ея. Мужъ ея извѣстенъ у воротъ, когда сидитъ со старѣйшинами земли. Она дѣлаетъ покрывала и продаетъ, и поясы доставляетъ купцамъ финикійскимъ. Крѣпость и красота—одежда ея, и весело смотритъ она на будущее. Уста свои открываетъ съ мудростью, и кроткое наставленіе на языкѣ ея. Она наблюдаетъ за хозяйствомъ въ домѣ своемъ и не ѣстъ хлѣба праздности. Встаютъ дѣти и ублажаютъ

ее, мужъ хвалитъ ее: много было женъ добродѣтельныхъ, но ты превзошла всѣхъ ихъ».

«Миловидность обманчива и красота суетна; но жена, боящаяся Господа, достойна хвалы. Дайте ей отъ плода рукъ ея, и да прославятъ ее у воротъ дѣла ея!» [1]. Далѣе въ Пѣсн. Пѣсн. мы видимъ прелестную картину чистой любви деревенской дѣвушки къ своему возлюбленному, рѣшительно отвергшей всѣ соблазны богатаго сластолюбиваго двора ради распускающихся цвѣтовъ, гранатовыхъ деревьевъ, виноградныхъ кистей, пѣнія птицъ и журчанія быстрыхъ горныхъ потоковъ ея родныхъ луговъ.

Поэтами много изображено картинъ семейнаго счастія. Шекспиръ рисуетъ намъ прекрасныя типы Порціи, Калпурніи, Миранды, Геры, Дездемоны, леди Перси, Имогены и многихъ другихъ.

Мильтонъ, несчастный въ бракѣ съ первой женой, наслаждавшійся недолгимъ счастіемъ со второй женой Екатериной Вудъ, и спокойствіемъ съ третьей женой Елизаветой Миншуль, рисуетъ намъ въ стихахъ супружеское счастіе.

[1]) Притч. XXXI, 10—31.

Еще болѣе прелестную картину супружескаго счастія рисуетъ намъ поэтъ Эрнестъ Джонсъ. «Жена моя, радость моя, подойди ближе ко мнѣ. Міръ, который мы знаемъ — это бурное море: держа твои руки въ моихъ, глядя тебѣ въ очи, какое мнѣ дѣло до волнъ, какъ бы они ни были велики? Самая сильная буря для меня ничто, если я защищаю тебя. Я не чувствую недостатка теплоты, потому что сердце твое говоритъ мнѣ: «храбрый и вѣрный мужъ».

Но я не знаю лучшей картины семейнаго счастія какъ ту, которую нарисовалъ романистъ Чарлсъ Ридъ въ своемъ романѣ «Кристи Джонстонъ»: «Онъ былъ джентельменомъ, она—женой, матерью, госпожей въ полномъ смыслѣ этого слова. Ихъ жизнь была безпрерывнымъ трудомъ, освѣщаемымъ однако радостью. Ихъ совмѣстная жизнь могла служить идеаломъ святого таинства брака. Въ этомъ благословенномъ союзѣ два интереса сливаются въ одинъ и два сердца бьются тѣсно другъ около друга. Они—друзья, потому что они мужъ и жена. Они влюбленные, потому что они мужъ и жена. Они составляютъ неразрывное цѣлое, потому что они мужъ и жена.

Подобная жена наполняетъ весь домъ включительно съ чердакомъ своими заботами о чистотѣ и порядкѣ, все это, чтобы сдѣлать пріятное мужу; мужъ работаетъ подобно королю для обезпеченія жены и для своей славы, и слава эта становится славой его жены. Когда одинъ изъ нихъ выражаетъ свое желаніе или намекаетъ даже на него, то другой стремится найти средства, чтобы исполнить его. Они раздѣляютъ всѣ печали, которыя, благодаря этому, уменьшаются. Они раздѣляютъ всѣ радости и тѣмъ увеличиваютъ ихъ. Они взбираются вмѣстѣ на холмъ жизни и, когда благодаря неизбѣжному закону, они начинаютъ спускаться по направленію къ темной аллеѣ т.-е. къ смерти, то они идутъ рука объ руку, нѣжно улыбаясь другъ другу, и съ такой заботой поддерживаютъ другъ друга по встрѣчающимся на пути крутизнамъ, какую они не выказывали, когда ихъ ноги и руки были полны юности и мощи.

МАТЕРИ.

МАТЕРИ.

Въ каждомъ народѣ, стоящемъ на болѣе высокомъ уровнѣ развитія, нежели дикари, любовь дѣтей къ своимъ матерямъ составляетъ нѣжнѣйшую и сильнѣйшую изо всѣхъ привязанностей; поэтому женское вліяніе остается всегда самымъ главнымъ двигателемъ въ міровой исторіи.

Въ священномъ писаніи мы постоянно видимъ указанія на это. Желая выразить величайшую степень скорби, псалмопѣвецъ говоритъ: «Я ходилъ скорбный, съ поникшей головою, какъ бы оплакивающій мать» [1]; пророкъ говоритъ о высшей степени, которой можетъ достигнуть земная любовь, спрашивая: «Забу-

---

[1]) Пс. XXXIV, 14.

детъ ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалѣть сына чрева своего»[1]? Эта любовь сильна какъ смерть и даже сильнѣе смерти. И поэзію, и живопись увлекла невыразимая трогательность воспоминанія о томъ какъ «Рицпа, дочь Айя, взяла вретище и разостлала его себѣ на той горѣ и сидѣла отъ начала жатвы до того времени, пока не полились на нихъ воды Божіи съ неба, и не допускала касаться ихъ птицамъ небеснымъ днемъ и звѣрямъ полевымъ ночью»[2].

Серъ Фредерикъ Лейтонъ избралъ этотъ разсказъ сюжетомъ для своей картины; на это же повѣствованіе воображеніе Тернера набросило отсвѣтъ величія. Современный поэтъ, м-ръ Ковентри Патморъ пишетъ о несчастной матери Армонія и Марибосета:

«Много дней какъ окаменѣлая смотрѣла она
На тѣла своихъ прекрасныхъ сыновей,
Любившихъ ее нѣкогда,
А теперь лежащихъ въ мрачной пустынѣ, по которой рыщутъ львы».

---

[1]) Ис. 49, 15.
[2]) II Царствъ XXI, 10.

Лордъ Теннисонъ далъ заглавіе «Рицпа» поэмѣ, въ которой разсказывается исторія, похожая на исторію дочери Айя, но только происходившую въ повседневной жизни.

Шекспиръ, отъ котораго не ускользало ничто, часто избиралъ страстную любовь дѣтей къ матерямъ и матерей къ дѣтямъ содержаніемъ для своихъ произведеній. Въ его Коріоланѣ все зиждется на томъ фактѣ, что суровый римлянинъ не въ состояніи противиться мольбамъ матери, несмотря на то, что онъ отказывается выслушать просьбу жены.

Въ хроникѣ «Король Джонъ» вопль Констанціи надъ ея маленькимъ Артуромъ относится къ наиболѣе страстнымъ порывистымъ мѣстамъ этого, въ высшей степени благороднаго, произведенія. Въ Гамлетѣ мать дурная и преступная все же до извѣстной степени владѣетъ сердцемъ своего несчастнаго сына. Въ трагедіи «Троилъ и Крессида» Шекспиръ сосредоточиваетъ всю силу женскаго вліянія въ восклицаніи молодого героя:

«Не говори того, молю тебя,
Подумай, были матери у насъ».

Разсматривая англійскую литературу, мы найдемъ, что немногіе изъ отрывковъ трогаютъ душу читателя болѣе, нежели говорящіе о чувствахъ дѣтей къ своимъ матерямъ.

«Нѣжная спутница радостей дѣтскихъ моихъ
Въ горестяхъ раннихъ всегда утѣшала меня.
Духъ твой со мной и теперь; изъ заоблачныхъ высей твоихъ
Ты за мною слѣдишь, и душа твоя мною полна»!

Нигдѣ рыданія поэта не слышались нѣжнѣе, нежели въ знаменитомъ стихотвореніи «Къ портрету моей матери» несчастнаго Каупера:

«О, если бы уста твои вновь шевельнулись! Я не живу
Съ тѣхъ поръ, что рѣчи ихъ не слышу».

Въ «Принцессѣ» Теннисонъ писалъ:

«Все въ матери моей казадось
Созданіемъ фантазіи прекрасной
Великаго артиста».

Вотъ какъ онъ описываетъ ее:

«Не умомъ блестящимъ, а домовитостью кроткой,
Не красотой, а нѣжностью всѣхъ привлекала.
Хоть не ангелъ, ангела всѣмъ намъ дороже
Ангельской кротостью рай создавала она».

Вѣроятно, большинство читателей не знаетъ слѣдующихъ строкъ современнаго намъ поэта сэра Эдвина Арнольда. Могу привести всего нѣсколько куплетовъ:

«Пурпурное солнце садится,
Туманъ появился въ горахъ,
И озеро тихо сребрится,
Покоясь въ родныхъ берегахъ.

Далеко родная отсюда,
Я съ нею разстался давно,
Но сердце всегда къ ней стремится.
Съ тобой, о родная, оно.

Я помню счастливое время:
У ногъ твоихъ, мать, я сидѣлъ,
Твой ласковый голосъ я слышалъ
И въ кроткія очи глядѣлъ.

Мнѣ снятся забытые годы,
Мечты вспоминаются вновь,
Я самъ, все вокругъ измѣнилось!
Твоя жъ не мѣнялась любовь!

О, мать, какъ меня ты любила!
Всѣ кроткія ласки твои
Теперь вспоминая, роняю
Я кроткія слезы любви.

Любви твоей нѣжной, глубокой
Всегда недостоинъ я былъ,
Но вѣрь, вѣдь теперь не солгу я —
Ее не на мигъ не забылъ.

Пошли же мнѣ благословенье!
Я здѣсь, въ странѣ твоей родной,
Въ глубкомъ трепетномъ волненьѣ
Склоняюсь мыслью предъ тобой»!

Я только поэтому привожу эти выдержки изъ поэтическихъ произведеній, что всегда смотрѣлъ на поэтовъ, какъ на величайшихъ нашихъ учителей въ нравственномъ отношеніи, какъ на людей, до тонкости постигающихъ всѣ стороны человѣческой жизни, недоступныя для менѣе одаренныхъ душъ. Но и исторія даетъ намъ памятный примѣръ того, что материнское вліяніе въ людяхъ обусловливаетъ появленіе тѣхъ или другихъ идеаловъ и даетъ направленіе ихъ дѣятельности.

Вспомнимъ матерей спартанокъ. Онѣ, какъ и вся ихъ нація, болѣе всего желали, чтобы спартанцы отличались героическимъ мужествомъ и стоически выносили всякую боль, всякое страданіе. Это было крайне важно для расы, под-

державшей гегемонію родной страны только силой мускуловъ и оберегавшей свою столицу не стѣнами, а собственной грудью. Вслѣдствіе того явилось два крайне характеристистическихъ разсказа, восхищавшихъ античный міръ.

Когда юноша спартанецъ пожаловался своей матери на то, что его мечъ слишкомъ коротокъ, она отвѣтила: «сдѣлай лишній шагъ впередъ».

Спартанка, подавая своему сыну щитъ, сказала лаконично: «съ нимъ или на немъ» (иль со щитомъ, иль на щитѣ), т.-е. принеси щитъ, или пусть тебя мертваго принесутъ на немъ.

Всѣ великіе законодатели чувствовали, какъ важно вліяніе матерей для великихъ національныхъ цѣлей. Когда Наполеона спросили: «гдѣ лучше всего воспитывать рекрутовъ? — онъ отвѣтилъ: «въ дѣтскихъ». Къ французскимъ матерямъ обращался онъ за тѣмъ, чтобы онѣ помогали ему внушать тѣ славныя традиціи, которыя давали силу его неопытнымъ и полуголоднымъ солдатамъ,—силу сметать со всѣхъ полей битвъ цвѣтъ европейскихъ войскъ.

Въ безумномъ заблужденіи находились на-

роды, державшіе женщинъ въ состояніи рабства и угнетенія. Горе народу, въ которомъ женщины произносятъ такія молитвы, какія онѣ, какъ говорятъ, произносили въ Индостанѣ: «О, Вишну, да не родится у меня дочь, потому что печальна жизнь женщины». Горе будущности той страны, въ которой:

«Матери, проникнутыя пророческимъ состраданіемъ, кидали
Своихъ прелестныхъ дѣвочекъ въ ручьи».

Конечно, на это можно возразить, что древніе греки представляли собой расу, богато одаренную физической красотой и интелектуальной силой, а между тѣмъ въ Аѳинахъ женщины занимали довольно подчиненное и не особенно почетное положеніе. Конечно, можно сослаться на знаменитую надгробную рѣчь, произнесенную Перикломъ въ честь павшихъ, въ третій годъ Пелопонесской войны; въ ней онъ называетъ идеальной ту женщину, которая не дѣлается замѣтной ни по своимъ дурнымъ, ни по своимъ хорошимъ качествамъ. Въ отвѣтъ на подобное возраженіе слѣдуетъ замѣтить, что аѳинянки не были презираемы или унижаемы.

Имена многихъ знаменитыхъ женщинъ уважались рѣшительно всѣми, и хотя большинству аѳинянокъ приходилось вести исключительно замкнутую жизнь, онѣ имѣли большое вліяніе въ своемъ домѣ на членовъ своей семьи.

Греція очень недолго находилась въ зенитѣ своего величія, и несомнѣнная причина ея быстраго паденія была связана съ тѣмъ, что она плохо сознавала, въ чемъ состоитъ истинное достоинство женской природы.

Можно даже сказать, что невѣрное и низкое мнѣніе о бездушіи женщинъ болѣе, нежели все остальное, способствовало порчѣ нравовъ Востока, помѣшало прогрессу проникнуть въ предѣлы коснѣющихъ въ неподвижности восточныхъ государствъ и на нѣсколько вѣковъ замедлило развитіе многихъ націй. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить безсмысленное мнѣніе Китая, односторонніе взгляды семитическихъ народовъ, заблужденія Персіи, Греціи и Рима, даже фантастическое поклоненіе средневѣковыхъ рыцарей.

Тремя путями женщины могутъ создать все будущее человѣческаго рода.

1. Онѣ могутъ достигнуть этого, стремясь къ тому, чтобы дѣтство ихъ сыновей и дочерей было настолько счастливо, насколько внѣшнія обстоятельства допускаютъ это. Прелестенъ завѣтъ: «давать зарѣ жизни свойственное ей блаженство». Мужчины и женщины, которые могутъ вспомнить свое счастливое дѣтство, выпили сладкій упоительный, кубокъ изъ рѣки жизни, и это не только оставитъ въ душахъ ихъ освѣжающее воспоминаніе, но и будетъ имѣть одушевляющее вліяніе въ тѣ дни, когда мы говоримъ, что для «насъ не существуетъ болѣе радости въ жизни».

Каждая мать должна была бы изучить средства создать счастье своихъ дѣтей. Это искусство она не почерпнетъ изъ книгъ; она можетъ научиться ему только благодаря вдохновенію, являющемуся подъ вліяніемъ божественнаго самоотверженія. Бѣдность—не препятствіе въ этомъ отношеніи. Счастье — всегда «жемчужина не индѣйскаго, а небеснаго океана»; но мать, стремящаяся любить такъ, «будто она ежедневно восходитъ на небо», можетъ быть увѣрена, что

она оттуда принесетъ этотъ жемчугъ и раздѣлитъ его между своими малютками.

2. Другой путь достиженія той же цѣли—воспитаніе воли. Нѣтъ ничего болѣе убійственно безумнаго, нежели усилія нѣкоторыхъ невѣжественныхъ родителей сломить волю своего ребенка. Часто подобныя попытки вполнѣ не удаются, такъ какъ воля, даже дѣтская, нерѣдко оказывается настолько крѣпкой, чтобы не поддаваться ничьей силѣ; если же полное послушаніе ребенка и вполнѣ достигается, то вредъ. который это приноситъ, можетъ оказаться невыразимо большимъ.

М-съ Мартино въ своемъ прекрасномъ сочиненіи о домашнемъ воспитаніи доказываетъ, что стремленіе ломать волю ребенка почти такъ же опасно, какъ потаканіе всѣмъ его желаніямъ изъ-за страха безпокойства. Она разсказываетъ, какъ маленькій ребенокъ чуть не умеръ съ голоду и не впалъ въ эпилепсію вслѣдствіе того, что отецъ непремѣнно хотѣлъ заставить его съѣсть кусокъ хлѣба, отъ котораго ребенокъ отвернулся; вслѣдствіе же настояній кусокъ

этотъ сдѣлался для малютки предметомъ полнаго ужаса и отвращенія.

Далѣе она говоритъ, что воля ребенка должна сдерживаться и направляться не волей посторонних лицъ, а любовію и развитіемъ способностей самого ребенка. Если онъ не будетъ видѣть ни постояннаго снисхожденія къ его желаніямъ, ни вѣчнаго противорѣчія имъ —онъ привыкнетъ слушаться, и эта привычка укоренится въ немъ къ тому времени, когда онъ сдѣлается способнымъ разумно управлять собой.

Говоря объ этомъ важномъ предметѣ, и въ видѣ хорошаго совѣта, я хочу обратить вниманіе матерей на то, что̀ называется «выравниваніемъ». Это можетъ помочь имъ убѣдиться въ томъ, насколько слабы системы постояннаго ограниченія. О не вполнѣ ровномъ листѣ желѣза, со слегка выдающимся мѣстомъ на одной его сторонѣ говорятъ, что онъ коробится. Было бы вполнѣ неразумно сильно ударять по поднимающемуся мѣсту. Это не только усилило бы недостатокъ, но и заставило бы подняться наружный уголъ листа. Устранить неровность можно

только «постепеннымъ выравниваніемъ», т.-е. послѣдовательными разнообразными, спеціально направленными, ударами молотка по другимъ частямъ листа; такимъ образомъ зло въ этомъ случаѣ исправляется не прямымъ, а косвеннымъ путемъ. Процессъ этотъ менѣе простъ, нежели вы думаете. Даже съ листомъ металла нельзя обращаться согласно той методѣ, которая кажется, очевидно, правильной на первый взглядъ. Въ этой иллюстраціи заключается то же поученіе, что и въ извѣстной старой баснѣ, разсказывающей о томъ, какъ солнце спокойнымъ образомъ заставляетъ сдѣлать то, чего всѣ порывы Борея не могли достигнуть.

3. Теперь я упомяну о третьемъ средствѣ къ достиженію выше указанной цѣли:—это раннее внушеніе религіозныхъ понятій, широкихъ, вѣчныхъ, существенныхъ религіозныхъ истинъ еще гибкимъ и воспріимчивымъ дѣтскимъ умамъ. При этомъ болѣе всего слѣдуетъ останавливаться на главной цѣли каждой религіи, состоящей въ томъ, чтобы вырабатывался характеръ и поведеніе, согласные извѣстнымъ нравственнымъ требованіямъ. Менѣе всего имѣетъ вліяніе на дѣтей

притворная, чисто внѣшняя, религіозность, небрежное исполненіе обрядовъ, которымъ подчиняются изъ одного приличія; безполезна и утомительна для дѣтей въ этомъ случаѣ внѣшняя форма, съ которой въ жизни родителей они не замѣчаютъ настоящаго соотвѣтствія. Когда же дитя видитъ въ жизни своихъ родителей двѣнадцать прекрасныхъ плодовъ Духа, спѣющихъ на деревѣ жизни, когда оно замѣчаетъ, что вѣра его родителей просвѣчиваетъ въ каждомъ ихъ словѣ, каждомъ поступкѣ, что ея прекраснымъ слѣдствіемъ является святость жизни, состраданіе и самоотверженіе, когда у него на всю жизнь остаются, въ видѣ помощи для него, воспоминанія о примѣрѣ жизни его родителей, шедшей согласно съ вѣрой, тогда можно сказать, что такой ребенокъ вступаетъ въ сознательное существованіе съ самымъ драгоцѣннымъ наслѣдствомъ.

Профессоръ Гексли указалъ на безспорное достоинство священнаго писанія какъ книги, дающей намъ воспоминаніе о человѣческихъ существахъ, которыя, въ теченіе многихъ поколѣній, на короткое время появлялись на узкой

аренѣ земной жизни въ качествѣ членовъ огромнаго, нескончаемаго шествія человѣчества отъ вѣка и до вѣка,—о существахъ, заслужившихъ благословенія или проклятія всѣхъ людей, судя по тому, дѣлали они добро или зло. Но дитя родителей, заслужившихъ, чтобы ихъ считали святыми, родителей честныхъ и прямыхъ, должно обладать талисманомъ, который имѣлъ бы болѣе скоро дѣйствующую силу противъ дурного примѣра.

«Я всегда радовался тому, что мнѣ дали религіозное воспитаніе». сказалъ лордъ Руссель, стоя на эшафотѣ, «потому что даже въ тѣ минуты, когда я, повидимому, всего болѣе забывалъ о немъ, оно бывало со мною и напоминало о себѣ».

Въ заключеніе приведемъ два примѣра.

Многіе изъ самыхъ лучшихъ, великихъ и умнѣйшихъ людей на свѣтѣ признавали, что они обязаны всегда благодарить своихъ матерей. Въ ихъ числѣ мы должны назвать такихъ королей, какъ Альфредъ англійскій и св. Людовикъ французскій; такихъ художниковъ, какъ Франсуа Милле; такихъ государственныхъ

людей, какъ Вашингтонъ и Гарфильдъ; такихъ писателей, какъ сэръ Джонсъ и Гёте. Женщины, подобныя Корделіи, имѣютъ сыновей Гракховъ, между тѣмъ какъ у такихъ женщинъ, какъ Агриппина младшая,—рождаются Нероны.

Въ прошломъ поколѣніи и въ нашемъ мы можемъ видѣть множество самыхъ очевидныхъ примѣровъ того зла или того добра, которое мать въ состояніи принести своему молодому сыну. Мы не будемъ останавливаться на примѣрахъ самыхъ худшихъ вліяній матерей на сыновей, представляемыхъ исторіей; не станемъ упоминать о матеряхъ безъ материнскаго чувства и о неженственныхъ женщинахъ, которыя покрываютъ позоромъ свое материнство и возбуждаютъ омерзѣніе къ женщинѣ. Но и безъ того мать можетъ, вслѣдствіе недостатка серьезности и самообладанія, погубить тѣ сокровища, которыя Господь даровалъ ей въ лицѣ ея дѣтей.

Кто скажетъ, какое дурное вліяніе на характеръ лорда Байрона имѣли капризы его матери, ея страстность и неблагоразуміе? «По натурѣ капризная и страстная женщина», говоритъ м-ръ Лесли Стефенсъ, «обращалась со

своимъ сыномъ то чрезмѣрно нѣжно, то слишкомъ рѣзко. Она была мала ростомъ и полна и гонялась за своимъ сыномъ, насмѣхавшимся надъ ней въ порывѣ ея безсильной ярости. Когда его школьный товарищъ откровенно замѣтилъ ему: «твоя мать безумна», онъ сказалъ «я это знаю». Другой случай, какъ говорятъ, далъ ему идею написать впослѣдствіи «Преображеннаго урода». Его мать, сердясь на него, назвала его хромымъ животнымъ, а онъ отвѣтилъ: «я родился такимъ, матушка».

Въ 1806 г. она, во время ссоры съ нимъ, бросила ему въ голову кочергу и щипцы. Она поѣхала за нимъ въ его лондонскую квартиру; тамъ снова вспыхнуло сраженіе, которое окончилось пораженіемъ его врага—матери

Теперь другой примѣръ: м-ръ Рёскинъ всегда съ любовью говорилъ о своей матери и признавалъ, что онъ въ неоплатномъ долгу передъ нею за ея заботы о немъ, за то, что она воспитывала его согласно системѣ, бывшей во многихъ отношеніяхъ пуритански суровой, но основанной на высокихъ принципахъ мудрости и религіозности.

«Моя мать», говоритъ, онъ, «заставляла меня ежедневно выучивать наизусть длинныя главы изъ священнаго писанія, а также разъ въ году громко прочитывать все писаніе, не пропуская изъ него ни одного слова, ни одного труднаго имени, начиная съ книги Бытія и до Апокалипсиса включительно; благодаря ея терпѣнію, аккуратности и рѣшительности, я не только узналъ священное писаніе, что иногда оказывается очень полезнымъ, по моему мнѣнію, но и пріобрѣлъ способность трудиться; та же самая дисциплина въ значительной степени сформировала мои литературные вкусы».

Въ другомъ мѣстѣ онъ разсказываетъ о томъ, какое безусловное, строгое послушаніе требовалось отъ него, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, упоминаетъ и о томъ, что его мать съ заботливой любовью оберегала его отъ всякаго дурного вліянія, съ восхитительнымъ усердіемъ старалась развить его въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, неутомимо ограждала его отъ всѣхъ опасныхъ удовольствій, которыя съ избыткомъ замѣнялись другими безобидными и полезными для ребенка. Карлейль съ такимъ же

жаромъ говоритъ о своей матери—крестьянкѣ. Исключенiе составляютъ тѣ великiе люди, которые не повторяютъ дань составляющихъ какъ бы дань материнству: «Если я сдѣлалъ что ни будь въ жизни, я обязанъ этимъ моей матери».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Пересказы Ф. С. Комарскаго:

1. **Святая земля и Библія.** Описаніе Палестины и нравовъ ея обитателей д-ра К. Гейки. Съ оригинальными рисунками Г. А. Гарпера. Къ этому роскошному изданію, отпечатанному на веленевой бумагѣ въ 2 тома (1168 стран.), приложена карта Палестины, составленная Ф. С. Комарскимъ. СПБ. 1894. Цѣна 10 р., съ перес. 11 р. 50 к, въ роскошномъ коленкор. переплетѣ 12 р. За пересылку прилагается за 12 ф. по разстоянію.

2. **Голосъ съ Синая.** Вѣчное основаніе нравственнаго закона. Духовно-нравственныя бесѣды по Ф. В. Фаррару. СПБ. 1895 г. Цѣна 1 р. 50 к., въ коленкор. переплетѣ 2 р.

3. **Въ дни твоей юности.** Духовно-нравственныя бесѣды по Ф. В. Фаррару. СПБ. 1895 г. Ц. 2 р., въ коленкоровомъ переплетѣ 2 р. 50 к.

4. **Чтеніе для дѣтей** пастора Тодда, подъ редакціей *Ф. С. Комарскаго.* Изданіе иллюстрировано. Цѣна—1 р. 25 к., въ папкѣ— 1 р. 50 к.

5. **Бесѣды,** избранныя изъ Брукса, Гейки, Джонса, Друммонда, Монтефельтро, Ньюмана, Ньютона, Спурджона, Фаррара, Февра и друг.

6.	Выпускъ	перв.	I. **Ученіе Христа**	Цѣна	8 к.
7.	„	втор.	II. **О лиліяхъ и воробьяхъ** . .	„	5 к.
8.	„	трет.	III. **Встань, спящій**	„	5 к.
9.	„	четверт.	IV. **Христосъ нераздѣленъ** . .	„	5 к.
10.	„	пятый	V. **Любовь І. Христа и семь другихъ бесѣдъ**	„	50 к.

11. **Семейный очагъ.** Мужчина и женщина. Ф. В. Фаррара. Съ англійскаго . . . . „ 60 к.

12. **Христіанскіе труженики.** Ф. В. Фаррара. Съ англ.

13. **Искатели Бога.** Ф. В. Фаррара. Съ англ.